

БОРИС БОГДАНОВ

**ПРОСТЫЕ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Борис Богданов

**Простые повествовательные
предложения**

«Издательские решения»

2015

Богданов Б.

Простые повествовательные предложения / Б. Богданов —
«Издательские решения», 2015

Рассказы разных лет, финалисты, призёры и победители конкурсов, а также
полный цикл рассказов про Алексея Михайловского.

Содержание

Простые повествовательные предложения	6
Приключение для пенсионера	6
Блазник	11
Служба точного времени	17
Парамошка	21
Ночной пир	27
Русалка	30
Про монстров	35
Основа жизни	43
Покой для палача	49
Верность и честь	57
Пора отдыхать	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Простые повествовательные предложения

Борис Богданов

© Борис Богданов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Простые повествовательные предложения

Приключение для пенсионера

Пенсионер Дмитрий Васильевич приключений не любил. «Мне из приключений только и осталось – помереть, – говорил он иногда. – Однако торопиться не буду». Жил он один, расставшись с супругой давным-давно. Детей у них не случилось, но вовсе не это, и не чья-то особенная склочность характера были причиной разрыва. Страсть была виновата, с детства пронесённая тяга Дмитрия Васильевича к фотокамерам. И не то, что был он спец, но, как задело его когда-то таинство появления изображения на пустой до поры бумаге, так и сидело занозой всю жизнь. Некоторые, попробовав пару раз, забрасывают купленную камеру на дальнюю полку, доставая иногда, пощёлкать на день рождения или иной праздник. А Дмитрий Васильевич стал фанатиком.

Он млел от объективов. Его завораживал благородный пурпур просветлённой оптики, глубина и чистота больших, солидных линз. В них хотелось смотреть, заглядывая в черную бесконечность, любоваться движением лепестков диафрагмы. Держа в руках тяжёлый объектив, Дмитрий Васильевич чувствовал – вот вещь!

Жена, пока они еще были вместе, пыталась отвоевать у сохнувших плёнок и фотографий место длястираного белья, но устала. Начавшийся развал страны и сторающие деньги, бытовая неустроенность, нехватка необходимого и внезапные покупки супругом ненужного вконец измучили её. Однажды Вера Николаевна собралась и исчезла из жизни Дмитрия Васильевича, оставив в нём обиду и недоумение. Когда он понял свои ошибки, исправлять стало нечего.

Отстрадав и отметаившись, счастливо избежав утешения водкой, Дмитрий Васильевич отдался любимой страсти.

Ванная комната окончательно превратилась в лабораторию.

Квартиру заполнило разное, хоть чуть близкое фотodelу. Штативы и стойки, импульсные лампы, экраны и ширмы, фотоувеличители и фонари красного света. И, конечно же, множество камер и объективов, старых и не очень, бывших в работе или распакованных единственный раз, сразу после покупки.

Книжные полки, заменив обычную для пожилого и не слишком образованного человека советскую макулатуру, оккупировали толстые справочники и пособия, некоторые весьма ценные. На антресолях пылились пачки фотобумаг и коробки с реактивами, побуревшие кюветы, колбы и точные химические весы. Любовно собранное богатство, ставшее лишним с наступлением цифровой эры.

Не будучи ретроградом, Дмитрий Васильевич с готовностью окунулся в новые технологии, откладывая из пенсии слесаря-универсала изрядную часть для приобретения компьютера. Здесь его ждала нечаянная радость: техника дешевела быстрее пенсии. Специалисты одной из фирм, впечатлённые его въедливостью, собрали за смешные деньги машину из устаревших, но рабочих частей. Остатки денег ушли на покупку с рук простенькой цифровой зеркалки у капризного профи. После чего Дмитрий Васильевич перестал ругать проклятых капиталистов и демократов, погрузившись в зыбкий мир цветковых моделей, фильтров и слоёв.

Он не пропускал ни одной выставки или лекции. Стал завсегдатаем фотомагазинов. Заходил даже в салоны сотовой связи. Но местом его паломничества стал городской блошинный рынок. Там, среди битых молю шапок, валенок, помятых, позеленевших самоваров и прочего старого и нового барахла встречалось иногда такое!

Его Дмитрий Васильевич увидел издалека. Смолк в ушах шум толпы, сменившись ухом пульса. Похолодело в животе, сам собой ускорился шаг.

Скромно прикрыв блендой огромный глаз, на несвежей тряпке лежал объектив. Матово-чёрный, странно пузатый, но невыносимо элегантный. Без фирменного знака, незнакомого силуэта, но – замечательный, влекущий, волшебный! Когда Дмитрий Васильевич остановился около, руки его дрожали. От названной цены оборвалось в груди, но Дмитрий Васильевич не нашёл в себе сил уйти.

Дальше запомнилось клочками.

Он ловил такси, ехал домой, ни на секунду не отводя глаз от футляра в руках владельца. Потом, вцепившись клещём, таскал его по соседям, занимая денег. Не слыша слов, следил, как живущий в соседнем подъезде грузчик Эдуард яростно ругается с бомжеватым продавцом, сбивая цену, крича и размахивая руками. Подходил кто-то еще из знакомых, Дмитрий Васильевич их не слышал. Потом как отрезало.

Очнулся он дома, куда проводил его Эдуард:

– Слышишь, Васильич, – говорил тот, не в шутку озадаченный, – полгода, никак не больше, меня Виктория съест, если про такие деньги узнает!

– Не беспокойтесь, Эдуард Владимирович, – смог, наконец, сказать Дмитрий Васильевич. – Всё отдам, до последней копейки! И спасибо, вы меня так выручили! Пусть я выгляжу глупо, но это, это такое...

– Ладно, Васильич, – сказал Эдуард уже в дверях, – вижу, ты в порядке вроде. Бывай!

Дмитрий Васильевич остался один. Нет! На столе, в жёстком футляре его ждал будущий друг, собеседник и компаньон. Подумав, пенсионер решил оставить детальное знакомство на потом. Сделав неотложные дела, он стоически отказался от обычного бутерброда с сыром на ужин. Пояс придётся затянуть потуже. Ничего, это только полгода! Засыпал Дмитрий Васильевич плохо, ворочался, включал и выключал ночник и забылся только под утро.

Оно началось казусом: объектив не встал в камеру. Рассудив, что снявши голову, нет смысла переживать, Дмитрий Васильевич занялся переходником. Тридцать лет у станка; и не такое мастерами!

Пошли дни, наполненные заботами и мелким рукоделием. Утро Дмитрий Васильевич проводил на рынке, сбывая то, с чем он мог расстаться без дрожи в руках. Домашняя студия – освещение и арматура – переселилась к одному из знакомых коллекционеров. Не пожелав ловить случай, тот дал верную цену, и Дмитрий Васильевич впервые поверил: унижаться не придётся.

После рынка и лёгкого перекуса Дмитрий Васильевич доставал верные инструменты и пилил, точил, резал и шлифовал. Иногда, отдыхая, он спрашивал себя: почему? Почему так запала ему в душу эта труба с линзами? Стоит ли обладание ею таких усилий и потерь? Да-да, потеря! Исчезавшие из пустующей квартиры предметы были не просто безделушками, они составили большую часть жизни Дмитрия Васильевича. В конце концов, они вытеснили из его жизни Веру Николаевну, Верочку. Женщину, которую он любил. Которая, он знал, он был уверен, он категорически запретил себе сомневаться, искренне любила его раньше.

На исходе второй недели переходник был готов. Дмитрий Васильевич аккуратно вложил объектив в оправу байонета и медленно повернул. До щелчка. Затем включил камеру – и она ожила, задышала! Мигнули индикаторы, засветился значок видеоискателя. Как будто сообщила: «Я готова, хозяин».

Наступило лето, непостоянный, черёмуховый май уступил место комариному и тополёвому июню. Каждую свободную минуту Дмитрий Васильевич проводил на пленэре. Наполненный памятниками центр города, столетний, деревянный частный сектор, конечные остановки автобуса – его можно было увидеть везде, куда помогал добраться льготный проездной. Деревья и дома, мостовые и парапеты, дробные струи фонтана и муравьиные тропы на потрескавшемся асфальте – всё заслуживало его внимания.

– Вы понимаете, Александр Викторович, – говорил он, вручая очередную тысячу соседу сверху Семёнову, – всё вроде то же самое, но... какой-то воздух чувствуется, глубина. Если в кадре небо – то это Небо, далёкое и бесконечное, или обожжённое и выцветшее от жары, или грозовое, полное ожиданием дождя... Если вода – то Вода, застывшая, но стремительная. Оно неподвижно, то, что в кадре, но оно живёт, готово сорваться с места, стоит лишь отвернуться. Мне трудно объяснить...

– И не объясняй, туда-сюда без разбега, – обычная присказка Семёнова звучала неуверенно, словно ему было неудобно от поэтических образов Дмитрия Васильевича. – Тебе нравится – и отлично! Будет выставка – пригласи!

Теперь, услышав про выставку, Дмитрий Васильевич уже не улыбался, как полгода назад, понимая и чуть заискивая, оценив немудрёную шутку. Сейчас не только знакомые и соратники по домино, но и он сам понимал, что да, его работы, не просто удачные или не очень кадры, а именно работы вполне достойны выставки. Пусть не персональной, пусть в составе – но всё равно. Это радовало и пугало. Есть ремесло, которому Дмитрий Васильевич научился давным-давно. Но: пунктуальное следование схемам не делает тучи – клубящимися, а воду – живой. Это уже искусство, талант, божья искра. Хотя, и это он тоже ясно осознавал, хороший инструмент – часто больше чем полдела. Но тонок этот баланс, и Дмитрий Васильевич оставил сомнения и просто радовался каждому удачному кадру. Исследуя заодно открывшиеся богатые возможности.

Однажды вечером, когда мужики самозабвенно стучали костяшками домино, Дмитрий Васильевич сидел рядом, на скамеечке, лаская кольца объектива. Неожиданно палец его сорвался, и рычажок, служащий, по мнению Дмитрия Васильевича, для красоты, переключился. Под рукой щёлкнуло, и одно из декоративных же колец слегка сдвинулось.

– Рыба! – ноль-ноль с размаху впился в стол и Семёнов, приосанившись, потребовал: – Запечатлей-ка, Васильевич, туда-сюда без разбега, как я их!

Дмитрий Васильевич не заставил себя ждать, но, поглядев результат, огорченно скрикнул:

– Нехорошо получилось, Александр Викторович, что-то у меня тут..., – и стал прощаться.

– Так всегда, смазал миг победы, – Семёнов сделал грозное выражение лица. – Когда теперь такого дупеля дождешься... Эх! Мешай, Серёга!

Дома, запершись на ключ, Дмитрий Васильевич вывел на экранчик последний кадр. Нет, ему ничего не привиделось! На фотографии был Семёнов, но не за доминошным столом, а на диване, с незнакомой женщиной. Рукой он обнимал её за талию, в другой была рюмка. На собеседницу Александр смотрел жадно и решительно.

– Чёрт знает что, – сказал Дмитрий Васильевич, стирая снимок, и задумался. А подумать было о чём...

Для понимания потребовались пара дней и много, много снимков.

Модерновое здание одного из социальных фондов прошло на экране обратным ходом все стадии монтажа, образовался котлован, исчез и стал лопуховым, привычным пустырьём.

Танк с крестом на броне жирно чадил, двое танкистов, пригибаясь, тащили третьего. Ноги его безвольно волочились по раскрошенной брусчатке.

Церковь, что за проспектом, недавно отреставрированная, потеряла кресты и позолоту. Дмитрий Васильевич помнил, там долго была детская спортивная школа, до этого – склад. Затем кресты появились вновь, но исчезли пятиэтажки вокруг. Теперь это были одноэтажные деревянные дома с палисадами. Пыльная улица несла конные экипажи, крестьянские подводы, спешили пешие разносчики. На одном из кадров эскадрон гусар не спеша уходил за край

снимка, за гусарами бежали мальчишки. Ещё был пожар, а потом снова церковь, маленькая, деревянная, потемневшая и скособоченная. Чуть в стороне – кресты занесенных снегом могил.

Гигант пятилеток, знаменитый на весь Союз инструментальный завод, рассыпался деревней. Зато Окунёвка, заключённая ныне в зловонную трубу, побежала вольно между рощиц и полей. Рыбаки, по пояс в воде, тянули бредень. Скрытый холм на излучине украсился господским домом. Между колонн портика стоял человек. Он был сердит, крестьяне перед ним мяли в руках шапки, глядя под ноги.

Жизнь проходила перед глазами Дмитрия Васильевича. Никем не записанная, давно позабытая. На минуту ему представилась афиша: «История края глазами фотохудожника». Большой светлый зал, стены и панно с избранными работами. Благосклонное внимание критиков. Стрекот камер и вспышки. Поклонники и почитатели. Почтительницы. И вопросы неприметных людей в штатском – откуда? – представились, и воображение нарисовало полутёмный кабинет, свет, бьющий в глаза, табурет, привинченный к полу, захватанный пальцами графин. И цветные, глянцевые фотографии, разложенные веером на столе. Бессильные, влажные от волнения ладони. Нет. Дмитрий Васильевич печально помотал головой. К чему эти страсти? Обычный кабинет, он будет сидеть в мягком кресле, но на самом краешке, стараясь держать спину прямо. Ароматный кофе в тонкой чашечке на столе, большой плоский экран, запущенный в режиме слайд-шоу. По-домашнему распахнутое окно, гудки машин – и вежливый голос человека напротив. Никакой разницы. Руки всё равно будут липкими, а веко дёргать тик...

Дмитрий Васильевич подошёл к зеркалу. Оттуда на него смотрел пожилой (ни в коем случае не старый!) мужчина. С редкими седоватыми волосами, даже не пытавшимися скрыть лысину. Углы рта загнуты книзу, как бы намекая... Да, Дима, дожил ты. Дима, Димочка – так называла его Вера. Верочка – так называл её он. Они были молоды, беззаботны и веселы. Стало очень страшно. Ужас последнего приключения, старательно забываемый, выполз наружу и противно тронул сердце. Помрёшь один, забытый всеми, врачи будут пробегать мимо палаты, молодая медсестра поставит бесполезный укол – и опять давить стон, комкая пальцами серую больничную простыню. А вот раньше...

Он взял камеру и перекинул временное кольцо сразу на двадцать лет назад, когда Вера была ещё рядом. Снимок. Еще пять лет долой. Снимок. И ещё, и ещё...

Вот они дома, Дмитрий Васильевич сидит за столом, уткнулся в какую-то механику. Вера тащит таз, обходя нагромождения. На лице её усталое равнодушие... Нет, такое не пойдёт!

Возвращаются из леса, с грибами. С полными корзинами, оживлённо беседуют. Уже лучше...

Есть! Они были на море тогда, под Евпаторией. Деревенька на берегу, возле военного городка. И широченный пустынный пляж, белый с рыжими полосами мелких окаменевших ракушек. Вера на снимке смеётся, поливая его водой. Дмитрий Васильевич, Димочка, закрывается в нарочитом испуге. Как там было здорово! Днём они сидели на пляже, или бродили в полосе прибоя, забыв обо всём. Вечерами, после ужина – салат да арбуз, откуда деньги на изыски? – бродили по обширному солончаку. Поддувал ветер, солнце садилось в мелкое евпаторийское море, четыре минуты по часам. Дима пытался поймать шары перекасти-поля, куда там! Однажды, когда штормило, дошли до соседнего посёлка с оригинальным именем Штормовой, ели шашлык. Дмитрий Васильевич и сейчас помнит его вкус. Вера скормила ему половину своей порции. «Я – худею!» – заявила непреклонно, пряча в глазах бесинку. На обратном пути они вымазались как черти в целебной грязи – и шли так до самого дома, а потом мылись во дворе, обливая друг друга из шланга. Дмитрию Васильевичу, он был первый, досталась тёплая вода, Вера поливала от души, не слушая уговоров. Самой пришлось скатываться холодными остатками. «Ничего, согреешь», – шептала она, и Дмитрий Васильевич отнёс её в дом на руках, влажную, в пупырышках гусиной кожи, жарко обхватившую его за шею.

Всё готово было за полночь. Стопка счастливых моментов совместной жизни лежала перед ним на столе. Выбрав самый радостный отпечаток, Дмитрий Васильевич навёл камеру на Верино лицо и пробежался по времени назад, к сегодняшнему дню. Жизнь Веры Николаевны после разрыва оказалась не слаще, кому нужна разведёнка после сорока? Подсмотрев на разных снимках адрес, так вышло: в кадр попали номера и дома, и квартиры, улица тоже оказалась знакома, Дмитрий Васильевич подготовил пухлый пакет.

Внутри он вложил письмо, из одной строчки: «Прости меня, если сможешь».

Потом выставил шкалу времени в ноль и намертво заклинил рычаг.

Блазник

Поселение Торжище стоит у подножия холма, что испокон века зовется Торговым. Широкая мощеная дорога спускается к пристани на берегу могучего Сетиса. Из далёких стран, из-за моря пришли по нему купеческие суда. Деловитые работники, ёжась поначалу от предрасветной прохлады, перегружают товар на подводы, приказчики кричат, поторапливают. Неторопливые быки медленно втаскивают череду повозок на базарную площадь. А там!

Солнце ещё только глянуло из-за края дальнего леса красным глазом, а непоседливый людской муравейник уже шумит и волнуется.

Вот рыбаки, окончив ночное бдение, стали небольшим табором чуть поодаль, возле узловатого осокоря. Водная живность обильно грудится на низких помостах, прикрытая свежей травой. Шуршат в корзинах черно-зелёные раки, будущая закуска к молодому пиву. Разевают рты жирные караси, золотясь крупной чешуёй из-под широких листьев лопуха. Их ждёт печь и сметана. Свились кольцами угри, любители ольхового дыма, Лещ да щука, налим да сазан, прочей же серебристой мелочи без счета. В отдельном месте, в угрюмом одиночестве разлёгся сом – патриарх, уныло свесивший усы. И покупатели уже тут, пока рыба свежа.

За низкими изгородями загонов столпился разный скот. Дрожит воздух от бляенья и меканья. Тяжелые коровы равнодушно жуют, смотрят перед собой пустыми глазами. Горячатся скакуны, основательные тяжеловозы неторопливо гоняют просыпающихся мух и слепней.

Тут же обилие птицы, связки кур, откормленные гуси в плетенках, битая дичь.

Лавки зеленщиков, развалы невиданных фруктов, привезенных издалека побаловать детей и девушек-приверед.

Пыль, прибитая было росой, взбивается уже ногами продавцов, покупателей и просто любопытствующих зевак, из тех, что не поленились встать до света. Поднимаясь в воздух, смешивается она с тонкими ароматами благовоний и пряностей, запахами кож и съестного, миазмами отходов и отбросов и многим другим. Поэтому в каждом уголке большого базара стоит отдельный, неповторимый дух.

Людей всё больше и больше. Вот шествует степенно хозяйка, за ней бредёт слуга, сгибаясь под тяжестью корзины с покупками. Стайка подростков пробежала, хохоча; вслед им несется ленивая брань торговца, лишившегося десятка яблок. Девушка застыла в задумчивости перед лавкой с украшениями; от серег, перстней, монистов рябит в глазах, но пуще всего притягивает её самоцветное ожерелье. Ох, берегись парень, дорого станет тебе её благосклонность! Что-то обсуждают негромко у лотка с охотничьим припасом мужчины, приказчик с интересом слушает, вставляя иногда несколько слов. Вот ударили по рукам, сделка состоялась, расстаются, довольные друг другом. Молодка придирчиво выбирает отрез среди штук полотна в открытом балаганчике. Её малолетний сын нетерпеливо дергает за подол, тянет к лотку с леденцами.

Лицедее на дощатой сцене затеяли представление. Зрители подходят, толпятся вокруг, слышны первые смешки, мелкие монеты посыпались в выщербленную деревянную площадку.

Странник прошёл неторопливо. Лет тридцать – тридцать пять, полуденные годы, возраст полных сил и наступления мудрости. Высокий, светловолосый, с небольшой русой бородкой. Наверное, шёл он издалека, одетый в пропылённую свободного покроя долгополую одежду, в которой так удобно путешествовать. В холодный осенний дождь, в зной и мороз мёртвых пустынь, по извилистой лесной тропе или городскими улочками, с миром, а то и укрыв опасную сталь среди складок.

– Странно, наставник Тимофен, – молодой парень в форме Белого Легиона и лычкой ученика на рукаве обернулся, глядя вслед уходящему страннику.

– Что такое, Ивай? – его спутник, пожилой мужчина, чтобы не сказать старик, с готовностью остановился, опираясь на тяжёлый боевой посох. Если бы не одинаковая форма Белого Легиона, двоих можно было принять за отца и сына. Оба горбоносые, ширококостные, рыжие, только шевелюра младшего горела рассветным огнем, а старший был уже скорее бел, чем крашен. Лицо Тимофена обезображивал старый рубец, от переносицы к мочке левого уха, черная повязка прятала пустую левую глазницу, а плечи и спина готовились вот-вот проиграть схватку со временем. Ивай же был кожей чист, спиной прям, и видно было, что бурлит в нём молодая сила, готовая рвануть наружу при первом же случае. Но, конечно, не были они родичами. В Легионе, как известно каждому, близкие родичи вместе не служат. Чтобы родство не застило глаз в тяжелый миг, чтобы не выделять соратников из общего числа. В Легионе все братья.

– Станный, говорю, человек, – начал объяснять Ивай. – Идёт, видно, издалека, устал, а в харчевню не зашёл, рук не умыл, пошёл дальше в гору. Зачем?

– Забудь, коли человек, – Тимофен закашлялся, запёрхал. – Пыльно-то как... Что к полудню-то будет? Забудь. Что тебе люди? Оставь их стражникам. Кхе-Кхе... Напомни лучше, испытываемый Ивай, что говорит Закон о сути служения?

– Да, наставник, – парень помолчал и зататорил, как по писаному: – Древнее зло не избыто полностью, а лишь отодвинуто и раздроблено. С тех пор собирает оно рассеянные части, дабы в прежнюю силу войти. Суть служения нашего – оному собиранию препятствовать, сколько сил хватит. К частям тем относить следует: сущности малые, шkodливые, именуемые...

– Довольно, – махнул рукой Тимофен. – Суть ты уяснил, вижу. А зло человеческое?

– Зло человеческое, наставник, присуще ему изначально, и с добром в равновесии пребывает. Люди привыкли прежде всегда о себе думать, потому зло человеческое с добром вместе слиты. Для надзора за людьми злыми стража предназначена. Легион же только за злом природным следит.

– Так-то вот, Ивай. Есть в нём природное зло, в прохожем этом?

– Не заметил, наставник, – Ивай развёл руками. – А если было бы, что тогда делать?

– Ивой! – Тимофен даже остановился в удивлении. – Если за спиной шкода сидит – что делать надо?

– Прости, наставник, вылетело из головы. Рубить – но осторожно.

– То-то же! Вот если бы это средняя шкода или блазник был – но не садятся они на людей. Никому такой тяжести не вынести. Даже если бы и сел, и то...

– Рубить?

– За подмогой, Ивай, бежать, – Тимофен хмуро насупился, потянулся в задумчивости к наглазной повязке. – Не заметишь тебе блазника, пока он в силу не вошел. А как набрал сил – не нам с блазником тягаться.

– Наставник Тимофен, – Ивай копался в памяти, пытался вспомнить. – Что такое блазник?

– Великая сущность это, если по Закону. А так, попросту – блазник. Мелкие шкоды, они же отражения духов и божков, страхом, злобой, завистью питаются, чувствуют их и к ним ползут. Средняя на месте сидит, к себе, наоборот, тянет. Такие места следует обходить стороной или выжигать.

– Это как в Слепом бору, наставник? – глаза у Ивая загорелись.

– Да. Как узнаешь, что где-то собралась лихая ватага – знай, там и средняя шкода – стихийного бога образ, залегла, силы копит. А вот великая – пороки и зло наизнанку выворачивает. Зло добром представляет и тем соблазняет слабых. Потому и блазник. А уж если сразу два блазника в силу вошли! Это война и кровь, ведь каждый себя единственной и последней истиной мнит. Только откуда тут... Много людей требуется, зажечь надо, позвать...

– Зажечь?

– Да. Зажечь и за собой повести. Только заболтались мы с тобой! С мелочью сначала воевать научись. Будешь вместо урока языком трепать – так с лычкой и останешься!

Славный в Торжище базар, а всё же с городскими ему не равняться. И купцов поменьше, и товар попроще, да и покупателей пожиже. Люди простые, городским экивокам не обученные, правду обычно в лицо говорят. Мало что мелкой школе достается. Но чем поживиться всё же есть.

Надо сказать, трудно увидеть школу обычным людям. Особым взглядом смотреть нужно. Необученный человек, или новичок, школу только случайно заметит, а заметив, не поймёт, только неудобство или неловкость почувствует, словно что постыдное, скрытое подглядел. Нельзя на неё прямо смотреть, избегает Зло прямого взгляда, под тайными покровами прячется. А вот краешком глаза, да с прищуром сквозь ресницы опознать можно. Выглядит мелкая школа темным, бесформенным сгустком. Если очень сильно постараться и если время есть, заметишь конечности и глаза, что больше всего напоминают черные провалы среди глубокой тьмы. Краб не краб, паук не паук – пакость на ножках.

Сегодня, против обыкновения, много промышляло при базаре мелкого зла. Нет – нет да и мелькнёт чернильный клубок. Заспорили продавец с покупателем, в цене не сошлись. Уже забыли давно, из-за какой мелочи спор. Оба красные, жилы вспухли, кровь к голове прилила, того и гляди удар хватит. Кричат, надсаживаются, друг другу бороды заплевали, успокоиться не могут. А всё потому, что сидит между ними мелкий школа и пьёт, пьёт, пьёт их силу, что в страсти и ругань уходит. Наслаждается, жирует, чуть не лоснится с довольства. Тут и наступает работа легионера. Тихо подойдя, спрятавшись между секундами, Ивай ударил заговоренным оружием – и назад, пока никто не заметил. Школа неслышно крикнул, хрюкнул и разлетелся невидимыми брызгами.

– Так ты говоришь, уважаемый – полушку сбросить? – продавцу вдруг приходит в голову, что спорить-то не о чем, время куда дороже прибытку.

Неплохо бы, почтенный, – покупатель утирает вспотевшее лицо. Ему самому уже неловко, что из-за чепухи надрывался. «И что на меня нашло?» – думает он, расплачиваясь и укладывая покупки в торбу. «И что нашло на меня?» – недоумевает торговец, принимая и пересчитывая монеты: «Бес попугал, не иначе».

А легионеры уже идут дальше, обходя большой базар. Форма Легиона заметна издали, легионеры уважаемы в народе, поэтому перед Иваем и Тимофеном очищается узенький коридорчик в бурлящей толпе. Несколько шагов вперёд, осмотреться, еще несколько шагов вперёд... Черная клякса! Подход – удар – отход. Всё, как учил наставник Тимофен. Наверное, он доволен? Ивай оглядывается: Тимофен дышит тяжело, шагает трудно, опираясь на посох. Простое дело – перед приемом в Легион испытать ученика, да получается непросто. Будто со всей округи собрались школы у подножия Торгового холма. «Неужто поветрие?» – бормочет про себя Тимофен, утирая пот. Так бывает, люди ни сном – ни духом, но поветрие уже близко, уже точит и грызет изнутри. Школы чуют грядущие беды, слезы и смерть, собираются толпой. Не до испытания тут, не до обычных наставнических каверз. Ивай справляется пока, идёт без напряжения, будто прогуливается, не больше. «Ишь, как управляется! Хороший будет легионер», – размышляет Тимофен. – «Если поветрие переживет».

– Не спеши, Ивай! – бросает он. – Непроста это всё. Пошли-ка перекусим. Заодно и подумаем.

Ивай и не думает возражать. Жарковато что-то, передохнуть в холодке кто же откажется?

– Как прикажешь, наставник Тимофен, – соглашается он, указывая рукой. – А вот и харчевня!

Во всех странах и во все времена проповедники говорят одно и то же. Темы проповедей меняются, но слова остаются прежними. О любви и ненависти, о горе и счастье, о своих

и чужих. В конце концов, в проповеди не то важно – про что, как – важнее. Слушают тебя люди или проходят мимо, занятые мелкими своими делишками. Странник говорить умел. Распожившись чуть выше базара, среди невест как занесенных на склон холма валунов, он перекусил нехитрой снедью, найденной в дорожной котомке, и скоро уже спрашивал о чем-то случайного прохожего. Поговорил прохожий со странником – и остался. Потом еще и еще. Когда же собралось у валунов десятка два любопытных, странник заговорил.

– Позволь налью тебе пива, наставник, – Ивай подхватил кувшин с пивом. Тёмный, густой, с правильной горчинкой напиток был хорош, и грех было не отдать ему должное.

Тимофен только кивнул. Занятый мыслями о возможном поветрии, он сумрачно оглядывал зал выбранного ими кабака.

Торговый день был в самом разгаре, и посетителей в харчевне было немного. Вот ближе к вечеру, когда большая часть товара будет распродана, а сделки заключены, потянется народ. Кто обмыть удачную покупку, кто закрепить за столом сделку, а кто просто, передохнуть и перекусить перед дорогой домой.

– Клянусь, наставник, – разглагольствовал Ивай, заедая выпивку мелкой сушеной рыбкой, – у меня сегодня особенно хорошо все получается. Иду, а что-то вроде как под руку толкает: «Туда смотри, там проверь!» И точно! Там škода и сидит. Ни разу сегодня не ошибся! Знакомо тебе такое чувство, наставник? Все в Легионе так умеют?

– Эээ... Как? Под руку, говоришь? – Тимофен оторвался от принесенного цыплёнка. – Не знаю, не встречал. Хотя, по-разному в Легионе нечисть чуют, у каждого свой секрет.

– Значит, это будет мой секрет, – Ивай взъерошил волосы. – Наставник Тимофен! Ты зачтешь мне урок?

– Посмотрим, погодим, день-то ещё не кончился. Успеешь глупостей надеть. Самые ошибки под конец случаются, когда уж хвост удачи видать. Вот о чём помни!

– Нет, наставник! Уж я не ошибусь, – мечтательно прикрыв глаза, Ивай словно прислушивался к чему-то внутри. Улыбка осветила его лицо. – Хорошо всё будет! Чувствую – ждёт меня в будущем удача! Всё сделаю, но не буду в Легионе последним человеком! Выжжем зло, выкорчем под корень!

– Ты что, парень?! – Тимофен поперхнулся. Слёзы брызнули из глаз. Откашливаясь, отплёвываясь, он сипел задушено. – О чем заговорил, как заговорил... Никогда ты зло не изведёшь! Прислушал, что я про отражения и образы говорил? Их-то извести можно, а само зло как? Пока в людях злоба и зависть есть...

– Людей надо исправить, наставник! – Ивай и не думал отступать. – Наказать злых, образумить завистливых!

– Как? – Тимофен буравил ученика единственным глазом. – Люди – разные. Где разница – там и рознь, где рознь – там зависть и злость. Вот škодам и пища.

– Объяснить, научить...

– Вот, к примеру, мы с тобой: ты юн, я немолод, ты ученик, я мастер, разные совсем. Научишь меня, как помолодеть?

– Должен быть способ! Мечтаю о...

– Замолчи! Нечего о таком грезить. А уж говорить и того более. Выйди-ка наружу, глянь, тихо что-то...

Странник говорил негромко, но получалось, что его слышал каждый в собравшейся толпе. И каждому, кто слушал, казалось, будто только к нему обращены эти простые, обычные, но ставшие вдруг удивительно важными слова. И каждый в толпе видел, что только на него смотрят усталые, добрые и нечеловечески мудрые глаза проповедника. Они заглядывали в самое нутро и заставляли сердце сжиматься в ожидании главного. Если сейчас стран-

ник позовёт – вся толпа, что застыла, боясь пропустить единое слово, качнется и побежит вперёд, как один тысяченогий зверь, услышавший голос давно отсутствовавшего хозяина. «Только позови!» – надеется каждый. – «Дай высокую цель, и я сделаю всё, что прикажешь!» Размести по брёвнышку города, запрудить Ерепень трупами врагов, залить поля их поганой кровью! «Только назови его имя!» – жаждет толпа, готовая жечь и убивать, но строить и создавать Во Имя – готовая тоже.

– погоди, Ивай, не беги так, – Тимофен боролся с кашлем и одышкой, пытаясь угнаться за учеником. Базар, несмотря на раннее еще время и погожий день, был пуст. Дико смотрелись прилавки, лотки и открытые лавки с завалами товара, но без единого человека. Ни продавца, ни приказчика, ни любопытного зеваки. Ни даже воришек на промысле, что обычно внимательно следят, не оставил ли кто товар без присмотра. Повисли бессильно ставни лавок, пыль клубилась в центре торговой площади, лицедеи забыли площадку с последним пожертвованием. Так и лежит она, поблёскивая остатками глазури и парой серебряных монет, а рядом крутится пыльный смерчик.

– Ох, не к добру это всё, наставник, – Ивай озабоченно вертел головой. – Где же видано, чтобы так всё побросали? Дождь сейчас пойдёт, испортит товар.

Когда легионеры подошли к месту проповеди, небо над Торговым успело затянуть тяжёлой мрачной тучей. Подвывал холодный ветер, норовя залезть под платье, но собравшиеся не замечали неудобства. Не заметили они и Ивая, раздвигавшего толпу грудью.

– Вера творит. Поверьте – и будет так, – убежденный голос проповедника достиг каждого.

– Так будет! – слитно откликнулся людской строй, и призрачные величественные храмы вознеслись вокруг, подпирая куполами и шпилями небо.

«Будет так»: – шепнуло что-то в сознании Ивая, и жарко запыхали перед его глазами костры Инквизиции.

– Величие духа невозможно без веры, – продолжил проповедник.

– Невозможно! – повторила толпа, и упали полотна, скрывавшие до времени прекрасные скульптуры. Художник бросил последний мазок на холст, перед которым в благоговении склонятся поколения.

«Невозможно», – согласилось что-то, и Ивай увидел, как побежали одетые не по нашему люди, тщетно спасаясь от огня и меча осиянного истинной верой воинства. Ударилась сталь, полилась первая кровь. «Её будет много!» – укоризненно сообщило что-то. – «Не допусти этого!»

– Я не допущу... – шептал Ивай, отодвигая с дороги замороженных слушателей. – Я спасу!

– Не ходи! – просипел сзади Тимофен, борясь с удушьем. – Погибнешь...

– Ты еще будешь гордиться мною, наставник, – Ивай заботливо усадил старика под акацию. – Жди меня тут. Всё будет хорошо.

Молния разорвала небо, первые капли дождя ударили по спинам и головам, вода потекла по лицам. Этого не заметил никто, а если и заметил, то не обратил внимания.

– Вера движет горы, – продолжал говорить проповедник, ласково оглядывая слушателей. – Она опора ваша и защита, она броня вашей души...

– Броня, – зачарованно выдохнули люди.

– Скажи мне, человек, – ухватив рукоять сабли, спросил вставший рядом Ивай, – защитит тебя вера от острого железа?

– Твоя вера защитит меня, солдат.

«Чего ты ждёшь? Убей!» – сабля толкала в мокрую ладонь. Ивай думал. Странник улыбался, высматривая что-то поверх людских голов. Внезапный дождь кончился, и надеяться

Тимофену стало уже не на что: яркий солнечный луч осветил землю, но никуда не делась чернота, сгустившаяся вокруг двух фигур, что стояли у валунов. Язык тьмы, словно пробуя на вкус, постреливал, оглаживая поочередно проповедника и Ивоя. Блазник выбирал.

Служба точного времени

Шесть часов до столкновения.

Четыре часа до окончания плановой эвакуации.

Удивительные метаморфозы происходят со временем, когда стоишь в очереди. Чаще всего оно тянется, как резиновое, стекает каплей густого мёда по стеклянной стенке, и только регулярная смена цифр на большом электронном табло доказывает его ход. А в конце дня недоумеваешь, куда же подевались часы, проведенные в огромном помещении аэропорта, а ныне эвакуационного пункта, заполненном шарканьем тысяч ног и тихим шепотком соседей. Ушли, растворились в ожидании – и вот уже пора укладываться спать здесь же, на ленте транспортёра, обняв взвешенный и промаркированный груз. Пройдут считанные минуты, раздастся негромкий звонок, и лента дёрнется и проедет несколько метров, приближая ожидающих к пандусу. Значит, для передних началась уже посадка, значит, в противоположном конце зала места на транспортёре заняты новой порцией невольных пассажиров, еще оживлённых, обсуждающих процедуры идентификации, оформления, переодевания в полетные комбинезоны, проверки и упаковки багажа. Сколько маленьких трагедий переживается сейчас там! Список разрешённых вещей утверждён раз и навсегда, и нет из него исключений! Никаких альбомов со старыми фотографиями, никаких сувениров из прошлой, счастливой жизни. Всё лишнее, составляющее смысл обыденности, остаётся в зоне фильтрации. Документы, пара цифровых кристаллов с любимыми книгами и фильмами, запасной комбинезон и, самое главное, билет. Он же памятка по эвакуации. Люди возятся, устраиваясь. И опять наступает тишина, нарушаемая иногда только сонным плачем ребёнка.

Пауза, звонок, шум моторов, пауза, звонок, шум моторов. Потом вибрация пола рождает низкий гул – это отзвук разгонных движений очередного модуля. Еще несколько сотен человек спаслись, еще одна бусина вплелась в орбитальную сеть, ещё на несколько тысяч километров ближе проклятый камень.

Пять часов до столкновения.

Три часа до окончания плановой эвакуации.

– Посмотри, он, – тихо шепчет мужчина на соседнем справа транспортёре, – стал ещё больше.

– Не хочу! – женский голос устал, но зол. – Чего ты лезешь ко мне со своей кометой? Говорила тебе – раньше надо было...

Константин уже привык к их постоянным ссорам. Возможно, ругань даёт им возможность почувствовать себя живыми в царстве этого размеренного механического движения.

Звонок, шум моторов, мягкий рывок транспортной ленты...

Астероид в самом деле стал больше. Он ясно виден в панорамном окне как довольно яркая звезда. Некоторые, после долгого наблюдения, утверждают, что его приближение заметно на глаз. Это, конечно, иллюзия, обман напряженных чувств. Реальное движение будет видно перед самым ударом, секунды, вряд ли минуты.

– Вам тоже не спится? – рослый, сутулый старик, сосед спереди, приглядывается к Константину. Он сидит на ленте, медленно раскачиваясь китайским болванчиком вперёд-назад, вперёд-назад.

– Вы же видите.

– Да. Не завидуете тем, кто может сейчас спать? – блик плафона на лысине старика возникает и пропадает в такт движениям. – У меня не укладывалось в голове, что такое возможно. Переместить наверх всё человечество! Невероятно!

– Не всё. Кого-то не нашли, кто-то отказался...

– Это мелочи! Всегда были и будут потери. Но сама идея! Как у комитета не опустились руки перед величиной проблем? Я сам управленец, чиновник. Могу представить, как это было трудно.

– Но ведь справились? – Константину становится интересно.

– Вы правы, молодой человек. Я поначалу даже хихикал по-стариковски, когда пошли все эти ограничения и реквизиции. Когда стали изымать всякую металлическую мелочь, якобы для строительства кораблей. Ну скажите, сколько ракет можно построить из брелоков, пепельниц и наручных часов? Чушь какая-то! Как хорошо, что хватает времени. А если бы его не хватало? Вот тут я понял высший смысл. К чему нам всем часы? Смотреть на стрелки поминутно и ужасаться, как мало осталось?

– Писали же, всё пошло в переработку, – Константин успокаивающе взял старика под руку.

– Оставьте! Не верьте агиткам. Для этого сначала надо создать индустрию переработки, вернее, не создать, а перепрофилировать. А времени нет.

– Мы успеваем.

– Да, – Старик посмотрел на табло. – Два с половиной часа, фантастика. Как всё организовано! Я всё думаю – если времени не хватает? Это же паника! Задние сминают передних, все вместе штурмуют корабли. Те не могут взлететь! Кошмар! И так повсеместно! Вы слышали, в Чили взяли челнок с боем? Были жертвы. Говорят, сдвинулся график...

– Откуда?

– Земля слухами, как говорится. Пришлось задействовать войска.

– Не пугайте людей, – Константин тоже посмотрел на табло, – времени хватит.

– Не беспокойтесь, я в порядке, – старик замирает. – Я всё понимаю, я молчу.

Спрятанный между пальцами крошечный иньектор с ядом, к счастью, не понадобился. Константин отвернулся, стараясь не показать, как начало дёргаться веко.

Звонок, шум моторов, еще несколько метров вперёд...

– Почему у меня забрали часы? – полный мужчина с холёным лицом из последней партии беженцев задаёт этот вопрос в пустоту. – Кому они помешали, может мне кто-нибудь ответить?

Константин внимательно прислушивается. Если ситуация не исчерпается сама, ему придётся вмешаться. Эксцессы не нужны. Любое происшествие – сбой графика, потерянные секунды. Но вроде всё тихо. Что-то успокаивающе говорят соседи, что-то про каждый грамм, что на счету, про ответственность, про необходимость идти на жертвы.

– Да я понимаю всё, понимаю, – мужчина конфузится и начинает оправдываться. – Но я всю жизнь с часами на руке, я даже сплю в часах, и в баню..., – он говорит что-то еще, но тише и тише, пока не замолкает совсем.

Его увещеватели правы. Каждый грамм, выведенный на орбиту – это топливо. Если сотня человек пронесёт на борт «Урагана-М» по любимой безделке – какому-то ребёнку не хватит места. Поэтому все в зале стрижены почти под ноль и одеты в невесомые комбинезоны. Когда на орбиту ежеминутно уходят миллионы, экономия массы спасает дополнительные тысячи жизней. Большие плакаты и панно с такими и многими подобными объяснениями висят сейчас на улицах городов по всей планете. Телевизионные сюжеты и выступления специалистов еще недавно наполняли телеэфир, объясняя, вдалбливая эту нехитрую арифметику.

Звонок, шум моторов, приглушенный стенами рёв стартующего корабля.

Четыре часа до столкновения.

Два часа до окончания плановой эвакуации.

– Мама, мама? – шепчет неподалёку девушка. Даже однообразная одежда не может испортить её юной миловидности. Девушка испугана и с трудом сдерживает слёзы. – Мама, ты слышишь меня, ответь...

Интересно. Неужели мобильник? Никакие гаджеты, об этом неоднократно подчёркивалось на инструктажах, не допускаются и подлежат обязательной сдаче. Поднявшись с уютного транспортёра, Константин сделал несколько шагов и тихо присел рядом с ней.

– Это бесполезно, – прошептал он, наклонившись поближе.

– Ой, – девушка вздрогнула и быстро зажала ладошки между сжатыми коленками, – кто вы?

– Меня зовут Костя, а вас?

– Марина, – она всхлипнула. – Я знаю, что нельзя, но мама, она в другом городе, я совсем не знаю, что с ней, как она...

– Марина, – спокойно заговорил Константин, – мобильная связь не работает с начала эвакуации, все частоты отдали спасательным службам.

– Но как же мы, надо же знать...

– Мариночка! С вашей мамой всё будет хорошо. Может быть, она уже на орбите. Наприме, как вы здесь оказались?

– Нас сняли с маршрута, мы сплавлялись в Карелии, прилетел вертолёт...

– Вот видите! Даже вдали от людей, в лесу вас нашли и привезли сюда. Ведь ваша мама – городская?

– Да, – на лице девушки возникла неуверенная улыбка.

– Так что же вы волнуетесь! Успокойтесь, – Константин постарался, чтобы его улыбка вышла как можно более естественной. – И отдайте телефон охране. А если боитесь вопросов, то отдайте его мне, а я уж сам.

– А как вы?

– Скажу, что нашёл, – Константин пожал плечами. – Думаете, захотят проверить? Зачем?

Телефончик был маленький и плоский. Он скорее напоминал кредитку, одноразовая модель, несколько минут разговора. Последнее время они стали очень популярны, дешёвы и не занимают места. Телефонный чип, сенсорная клавиатура, динамик и встроенные часы – вот и всё. Часы тоже простенькие, синхронизация по сигналам со станции, даже и не часы, а просто приёмник. Зажав мобильник в руке, Константин кивнул обнадеживающе Марине, и направился к стартовому пандусу, перешагивая через ноги лежащих людей, стараясь шагать тише. Очень многие не спят, атмосфера в зале накаляется, нервы у всех на пределе. Константин старался не обращать внимания на ждущие, заинтересованные, подозрительные взгляды, но от них свербело между лопаток. Снова нахлынуло ощущение чужой смерти в ладони. Он внутренне поёжился: «Они спокойны. Нервничают, но держат себя в руках. Это хорошо».

– Всё тихо? – встретил его знакомый уже охранник.

– Сам видишь, – Константин кивком головы показал назад. – Машинку прими.

– Знакомая штучка, – охранник кинул телефон в ящик стола. – Кто пронёс?

– Тебе важно?

– Нет, конечно. Ладно, иди, давай, – нервно отсалютовав, охранник отвернулся к мониторам слежения.

Звонок, шум моторов.

Три часа до столкновения.

Один час до окончания плановой эвакуации.

Резко заныло левое запястье, и Константин обратился к табло с часами. Так и есть! Час до окончания эвакуации, то есть времени не осталось вовсе.

Когда комитет по эвакуации обнаружил, что самый плотный график не позволяет вывезти всех и не хватает полутора сотен минут, был предложен проект «растянутого времени». Примерно за трое суток до «часа X» все передатчики сигналов времени начали чуть запаздывать, создавая иллюзию запаса минут, чтобы неизбежная паника не помешала отправить последние челноки. Тогда же, для поддержания этой иллюзии, возникла секретная «Служба точного времени». Старик-чиновник был прав, главной целью реквизиций было изъятие оставшихся механических часов. Служба сработала отлично, не вызвав ненужных вопросов и подозрений. Константин, один из сотрудников СТВ, был безумно рад, что никто не смог сохранить и пронести в зал старый механический хронометр! Во всяком случае, на его участке. Пружины и шестерёнки не обманешь, и это был бы взрыв. В методичках всё описано, от сведения к шутке до прямой ликвидации, но знать – одно, а сделать... Ощущения и так гаже некуда. Найдя глазами Марину, Константин скривился. «Никто нас не простит, тем более мы сами», – от острого ощущения предательства его передёрнуло.

– Живот схватило, – пояснил он соседу, срываясь с места. – Нервы, наверное!

Ухватившись руками за живот и согнувшись, извиняясь и заискивающе улыбаясь, Константин рванул в сторону туалетов. Там, запершись в кабинке, закатал рукав: Точно, гелевая полоска на руке, еще недавно прозрачная и незаметная, покраснела. Ровно так же, как у других работников эвакуопункта. До столкновения с астероидом не более получаса. Сейчас на всех стартовых площадках охрана и персонал стараются незаметно покинуть свои места, пара минут – и сработают автоматические замки, запирая залы изнутри. Мазнув пальцем по стенке, Константин активировал секретную панель и стремительно выстукал на ней десятизначный код. Панель провалилась назад, открыв люк в технологический переход. Скорее, скорее внутрь! Руку в нишу в стене коридора, укол сканера, хватаем ручку настоящего контейнера с багажом – и ходу! Туда, где на позиции ждёт спасительный «Ураган-М».

Парамошка

Деревенскими издавна протоптана широкая тропа через Косматое урочище. Идёт она, почти никуда не сворачивая, виляя слегка из стороны в сторону, обходит покрытые седым мхом валуны, принесённые ледником в далёкой древности. Сделай три поворота, и виден уже берег Хлебного ручья, а там и до подворья местного колдуна, дядьки Захара, недалеко. Но Клим, что уже год у Захара в учениках, по тропе нельзя. Парень он сильный да видный, но не та сила всё решает. Растёт возле тропы, сразу за вторым поворотом, среди обычных дубов, могучий колдодуб.

Дерево и дерево, каких в лесах наших много, старое, узловатое, дуплистое. Не слишком толстое, двое мужчин запросто обхватят. Плодовитое, каждую осень обильно засекает землю вокруг себя желудями, но само же деток и душит обширной тенью. Всяк мимо него ходит, кто просто пройдет, ствол рукой огладит, кто с лукошком, грибов нарвать, а кто с туеском, по жёлуди.

Клим дорога пока заказана. Как учит дядька Захар: «Среди всякого сущего, живущего и растущего, есть к волшебству открытое. Чем меньше в нем разума, тем жаднее берёт, труднее делится. Коли есть в тебе к магии сродство, да сил магических недостатков, опасайся могучего и неразумного, дорожку окольную выбирай». А в старом дереве какой разум?

Поэтому ходит парень к учителю округ, мимо общей тропы. Успел отдельную стёжку протоптать, извилистую, но безопасную. Начинаясь у первого валуна, сворачивает эта тропка налево, извивается среди мелкого ельника, спускается к Хлебному ручью, к густым зарослям колдотальника. Те кусты Клим уже по силам, толику магии в каждый заход подбирает. Сам этот путь нашёл, колдотал радушно делится магией. Клим в тех зарослях, словно в чистом источнике купается, но много не берёт, бережёт малого помощника.

Шёл сегодня Клим на обычный урок, да задумался. Ноги сами идут, а перед глазами вместо верной дороги мельникова дочка, Варька. Росли рядом, никогда не выделял её парень среди сверстниц, Настён и Матрён, не заметил, как расцвела. Теперь как глаза открылись. Улыбнулась ли неожиданно ласково, или слово особенное сказала, или посмотрела внимательно и серьёзно, да только забыл Клим про обычные дела. Сам на урок спешит, а в голове всё Варвара. Как ведро из колодца поднимает, наклонившись и ногу для равновесия отставив. Как не удержалась и ледяной водой на себя плеснула, взвизгнула. Стала подол сарафана отжимать, икры белые да тонкие, выше колен одежду подняла. Замечтался, нужный поворот пропустил. Сердце захолонуло, ноги кисельные стали, только тут и очнулся.

Нехорошо! До жадного дерева не более полусотни шагов. Никогда Клим так близко к опасному месту не подходил. колдодуб, слабую магию почуяв, тянет к себе! Очень хочется шаг сделать, ещё и ещё. Ближе подойти, погрузиться в ласковую темноту, раствориться в сладком растительном безмыслии. В голове без слов кто-то давит, требует: «Дай, дай, дай больше!»

Как учитель говорил? «Стань никем, очистишь от мыслей, от желаний. Сосредоточься. Строй стену. Пока стена стоит – беги». Клим так и сделал. Заставил себя забыть про дурное дерево, про лес вокруг и землю под ногами. Начал, как мог, строить. Стена не стена, но изгородь получилась. Хлипкая, прогибается, но держит. Сразу напор ослаб, удалось шагнуть раз, второй в сторону от тропы, а там легче пошло. Ноги всё крепче, в голове яснее. Отбежав изрядно в сторону, Клим обессилено опустился на подвернувшийся пенёк. Отдышаться, снять с лица и головы налипшую паутину. Нёсся, дороги не разбирая. Руки и лицо еловыми лапами исхлестал, в волосах листья и другой древесный мусор. Спасся!

Приведя себя в порядок, Клим огляделся. Невелико Косматое урочище, а здесь он раньше не бывал. Маленькая полянка в еловом подросте, смущенная было его вторжением, начинала жить обычными заботами. Зазвучали голоса лесных пичуг. Прополз по надобностям важный

рогатый жук. Зашевелилась трава возле замшелой коряги, приподнялась из неё треугольная гадючья голова Мазнула пустым взглядом по неподвижному Климу, заскользила неторопливо, пробуя воздух языком. «На охоту, должно», – подумалось парню. Понимая, что всякая тварь важна, змей он не очень жаловал. За холодность и глухоту. Не давались ему пока эти существа, не слушали. Птицу научился приманивать, белка к ладони за орехом приходила, заслышав немой зов. Змеи много древнее, другой подход нужен.

Прикинув на глаз путь аспида, Клим присмотрелся и увидел в шаге от себя серый комочек. Мышонок, поджав раненую лапку, ковылял по разворошенному мху. Протянув руку, Клим подхватил зверька. Тот пискнул, моргнул бусинками глаз и обмер в ладони.

Гадюка, встретив неожиданное движение, остановилась, зашипела предупреждающе, затем свернула в сторону и исчезла среди черничника. Погладив пальцем мышинное тельце, Клим ощутил: рядом с живым теплом не смешиваясь, соседствовал магический холодок. «Непростой ты зверёк! Будешь Парамошкой!». Решив так, вырвал клочок мягкого мха и бережно уложил Парамошку в котомку. Пора, учитель заждался.

Дядька Захар, невысокий сухонький мужичок с короткой немужицкой бородкой и постоянно удивленно-горьким взглядом, возился с цветами во дворе, под окнами. Цветник этот был удивительный, нигде таких растений не увидеть. Радугой был он расцвечен от снега и до снега. Рядом с Захаром вышагивал ручной говорящий колдограч Антип. Поглядывая, повернув голову, одним глазом на утоптанную землю, он иногда замирал; тогда грунт перед ним вспучивался, раздвигался и на свет вывинчивался жирный земляной червь. Антип склёвывал червяка и продолжал прогулку.

– Проголодался, – кивком поприветствовав Клима, проговорил дядька Захар: – Тварь простая, бесхитростная.

– Антип харроший! – заявил грач, вспорхнув на плечо хозяина, – Жрррать хочешь? Как поживаешь?

– Хочет, а как же, – дядька Захар присмотрелся, – Волки гнались? Морда вся исхлѣстана. Пойдѣм-ка в дом.

Клим внезапно понял, насколько он проголодался. Встреча с колдодубом обессилела. Желудок заворчал, запел требовательно. Пока Клим насыщался нехитрой снедью, дядька Захар внимательно рассматривал его, сощутив глаз.

– Показывай гостя-то, – предложил он, дождавшись Климовой благодарности.

Парамошка, будто поняв, о ком речь, уже вылез из котомки и уютно устроился у Климова ворота, близ уха. Согревшись близи источника силы, лапку он успел подживить и был вполне доволен жизнью. Приняв предложенную корочку хлеба, зажевал доверчиво, без боязни. Не убоился и хозяйского колдопса, старого пуделя с чудным именем Дюк, что тявкнул для порядка на пришельца из-под стола. Только ушками повёл.

– Мелочь, а понимает, кто с добром, – Захар затеял с мышонком переглядку, – Хорошего зверя нашёл, Клим. Как назвал?

– Парамошкой, учитель, – Клим осторожно погладил мышонка, – Наткнулся на него, как от колдодуба убежал.

– Во-о-т оно как. А я гадал, что ты такой разукрашенный. Пора тебя правильной защите учить. Стенку, небось, ставил?

– Загородочку, – Клим виновато потупился, – однако убѣг ведь?

– От всех не убежишь. Или будешь по лесам зайцем петлять, каждое колдовское дерево кругом обегать? Наша – ленивая уже. Тянет по привычке. Хуже, когда молодому дереву попадѣшься. Решено! Прямо сейчас и начнѣм.

До вечера наставлял дядька Захар Клима в новом умении. Колдовство – не хлопущи и шутихи, а долгий и кропотливый труд. Пока Клим правильный наговор выучил, семь потов сошло. Захар сидит, пуделю под табуретом мохнатое пузо гладит – да повторяет: «Учи! Учи!».

А как зачало солнце небо кровянить, дядька Захар в ладоши хлопнул: «Будет! Проверять пошли». Двинулись к колдодубице по короткой дороге. С ними пёс, ради прогулки нагретое место кинувший. Клим, уходя, заглянул в окошко и увидел призрачного пуделя, лежащего на полу подле табурета, подставив брюхо призраку хозяина.

Никак привыкнуть не могу, Учитель, – поёжился Клим, – Как можно сразу в двух местах быть?

– Выбрать не может, как лучше, – странно, но Захар показался Климу смущенным, будто самому не совсем понятно, – Вот и мечется. Или в избе с хозяином пузо чесать, или в лес бежать. Сразу в оба места хочется. Хитрая штука, звериное колдовство. Животинка малая, чего ей надо? Тепла, сытости. Род продолжить. Проще некуда. Зверь, он, – Захар наставительно поднял палец, – существо простое, сложностей колдовских не понимает. Исполняет свои надобности, как выйдет. Диковинно и выходит. Однако, отсюда сам пойдёшь!

Захар подтолкнул Клима напутственно вперёд, где уже беспокоили магический холодок и безразличная тяга колдодубицы. Проговаривая заученные фразы, Клим зашагал по тропе. Но саму встречу с колдовским деревом и не заметил. Просто шёл-шёл, да и прошёл мимо. Парамошка, напротив, пищал поначалу, забившись глубоко – глубоко в котомку, возле колдодубицы выбрался на воротник, распушился, будто пытался защищать нового приятеля. Когда же Клим спокойно дерево миновал, даже рукой коснулся небрежно, мышь успокоился и весь обратный путь просидел на воротнике, изучая мир свысока. Как домой вернулся, бабка Анфиса только губы поджала. Как же так, мышь лесную в дом нести! Но против не сказала ничего.

С той поры жизнь у Клима иначе повернулась. Малый зверь мышь, но волшебный. В колдовстве ведь размер не главное. Парамошка, хозяйское настроение чуя, просто делал себе лучше. Если у Клима тяжело на сердце, не ладится что, или повздорил с кем, мышонку плохо. Колдовать Парамошка не колдовал, ясно, просто хотелось ему, чтобы было всё хорошо и спокойно. И делалось, если сил достанет.

Повздорила с Климом как-то лабазника местного супруга, тётка Марфа. Не так посмотрел или ещё чего, сейчас и не вспомнишь. Да только взъелась на парня: «И чего ты ходишь тут, не твоего ума дело на нас посматривать! Или ты, такой – сякой, воровство измыслил!» На такие слова у Клима в ответ не нашлось ничего, только обида заткнула горло комом и слёзы из глаз чуть не брызнули. Смог лишь выдать: «Как можно, тётка Марфа!». Парамошка, спокойно спавший в ладанке с мягкой травой, что Клим сплёл и повесил себе на шею, зашевелился обиженно. Непорядок с хозяином! Вылез, глазками на Марфу стрельнул. Уж на что лабазница была к мышам привычна, но охнула и замолчала. Пытается сказать хоть слово и не может. Онемела! Краснеет, пыжится, без толку. Только глазами уходящего Клима провожает. Парамошка хозяину в ухо: «Пи-ик?». Будто спрашивает: «Так ли сделал, верно ли?» Клим только головой удивлённо покрутил, погладив зверька.

Приходили они потом с мужем к дядьке Захару. Жаловаться да сглаз снимать. Долго после того раза, как завидит тётка Марфа, что Клим мимо пройти может, сразу отвернётся или на другую сторону перейдёт. Лишь бы не встретиться.

Так и пошло. Тут случай, там случай. Клим Захару рассказывать, а колдун только усмехается да повторяет: «Хорошего зверя нашёл, хорошего...».

По самой летней жаре случилось у Клима несчастье. Померла бабушка Анфиса, остался он совсем один. Из всей семьи только Парамошка да дядька Захар. Проведя пару вечеров в опустевшем Анфисином домишке, Клим передал бабкиных корову и птицу многодетным соседям, собрал вещички и переселился к Захару. Чего за уроками за пять вёрст гонять? Ноги бить? Только и бегал если, то на мельницу, Варвару издали увидеть. Повезет – вроде случайно словом переброситься.

Сегодня, запрягши смирную Захарову лошадку, Клим отправился на мельницу за заказом. Поднявшись на бугор перед речкой, он издали заметил тонкую фигурку Варвары. Но что

это? С кем она говорит, улыбаясь? Присмотревшись, Клим узнал сына старосты, Василия. Не сговариваются ли о чём? Наговор дальнего слуха еще не всплыл в голове, а Парамошка постарался. Разговор словно вблизи стал:

– И помни, Варька, – брюзгливо, подражая отцу вывернув губу, выговаривал Василь, – Два мешка тонко, три мешка грубо! Не спутай! Знаю я вас, баб! Всё глупости на уме.

– Не перепутаю, Василь, – Варвара скромно глядела на свои руки, мятые испачканный мукой фартук, – Будет, как сказано. Завтра с утра приезжай.

– Дело. Сейчас и займись. Что вечера ждать? А вечером, слышь-ка, приходи в рыбачий домик!

– Зачем? – подняла глаза Варвара.

– Научу на столе танцевать! Га! – Василь расхохотался: – Не пожалеешь!

– Но-о, заснула уже! – утвердившись на телеге, Василь хлопнул вожжами. И, не обратив на подъезжающего Клима внимания, отправился восвояси.

– Не обижает тебя, Варвара, этот грубиян?

– Разве? Парень как парень, – Варя улыбнулась, – муку забрать?

Очень хотел Клим сказать: «К тебе приехал, за руку взять, в глаза посмотреть», но язык словно примёрз к нёбу, только и выдавил: – Да.

Весь день до вечера Клим был сам не свой. Грызла его мысль: «А ну как отправится Варя в рыбачий домик? Что делать будет? Если отправится, значит люб ей Василь! Еще бы не люб! Парень видный, старосты сын, куда лучше!» Полдня себя изводил. А как за вечерело, не выдержал. Забрался в чулан, свечи, что из воска, собранного в полнолуние, по углам затеплил. В плоскую плошку налил с наговором ключевой воды. Варварин волос, что снял с мешка с мукой, на свече сжёг, и пепел в воду кинул. Со словами: «Покажи хозяйку, холодная вода!»

Отлегло от сердца. В водном зеркале Варя, сидя в темноватом помещении, перебирала свои длинные, чёрные волосы, запорошенные мучной пылью. Ноги облеплены мокрым сарафаном, видно, с водой возилась. Затем быстро, одним движением, сарафан стянула! Потянувшись и качнув грудью, подхватила деревянную шайку и прошла в парную. Баня! Жарко стало Климу, словно сам в бане очутился. Смотрит, оторваться не может, ест Варвару глазами. В голове шум и туман, внизу потяжелело. Тут вроде свежестью повеяло. Кто-то в парную дверь открыл? Никак Василь?!

– Ладная девка, – дядька Захар, зашедший в чулан, долгий миг всматривался в вещь в воду. Клима успело и в жар и в холод кинуть. Уши горят, пироги печь можно!

– Ладная, – повторил Захар и спросил, насупившись: – То-то чую – волосом палёным потянуло. Любишь её или просто непотребство творишь? Не помнишь: следить можно – подсматривать нельзя?

– Да я, дядька Захар, да мне...

– Свататься будешь – помогу, – вышел, шваркнув дверью. Только прозвучал запоздалый крик Антипа с плеча наставника: «Загрррраница не поможет!»

Взволновав послушную воду, Клим задумался. Слова учителя гулко бухали в ушах вместе с ударами сердца: «Свататься будешь, свататься будешь, свататься будешь...»

Неделю спустя Варвара сама забежала к колдуну за какой-то травкой для отца. Клим, переборов робость, вызвался проводить её. Пока шли к Хлебному ручью, Варя увлечённо рассказывала об отце, что прихватило его, приходится ей самой работу на мельнице править, мать-то умерла давно, не помнит её Варя. А отец уже немолод, помогать надо. Или работника искать, да тянет что-то отец, может, женихов ждёт? Тут девушка запнулась и умолкла. Варя молчала, и Клим не мог придумать, что сказать. Как вошли в Косматое урочище, Варя зашагала было прямой дорогой, но Клим, страх переборов, перехватил её руку и удержал, остановил:

– Пойдем, другую дорожку покажу, – смог сказать, с трудом ворочая пересохшим языком.

– Зачем? – прошептала Варя, – Эта прямая да быстрая.

– Затем, чтобы подольше рядом идти! – с разбега в ледяную воду кинулся Клим. Его трясло, только что зубы не стучали. Вдруг откажется, посмеётся? Что делать тогда? Бежать? Сделать вид, что ничего не было?

– Пойдём длинной, – ответила Варя. И руку не отняла.

Сватать Варвару за Клим дядька Захар собирался долго и со вкусом. Клим его таким не видал никогда. Вешая Климу через плечо специально подобранный оберег, Захар говорил наставляющее:

– Каждый должен знать, что ты не абы кто, не сирота безродный, а ученик колдуна! Сам колдун. Уважать должны!

Просватались, ударили по рукам. Решили, жить молодые будут при мельнице. И отдельно, и делу польза. Свадьбу назначили после первых заморозков. Возвращаясь с Климом домой, дядька Захар, выпивший на радостях со сватом крепкой сливовой наливки, был весел, оживлен, воздух вокруг него светился и погромыхивал празднично. Толковал об учении, о будущих климовых детках, о том, какой сват хороший да радушный человек. По левую руку его то и дело проявлялась молодая красивая призрачная женщина в иноземной одежде. Захар в мыслях своих её не осознавал. В другой день Клим обязательно удивился бы этому нелюдскому колдовству, но сегодня... В ушах звучали Варины слова: «Приходи к ночи на мельницу. Ждать буду».

Пришёл, прибежал. Варвара ждала его, постелив ложе мягкой меховой рухлядью. Свет одинокой свечи разливался золотом по её распущенным черным волосам. Клим, обняв неумело, целуя закрывшиеся глаза, прошептал севшим голосом:

– Варя, милая! Как же обычай, простыня, кровь...

– Глупый. Колдун, а телёнок. Придумаем, – и потянула его, повела, ухватив холодными дрожащими пальцами. «Согрею, никогда не будет ей холодно со мной» – думал Клим, лихорадочно срывая с себя одежду, чувствуя нарастающее возбуждение и смущаясь его и того, что должно случиться. Боясь и мечтая, не решаясь глянуть Варе в глаза.

– Сейчас, да, – Она задула свечу, прикрыв его губы рукой, – потом, не надо нынче света.

Повела плечами и тонкая рубашка скользнула под ноги. Только двое видели девушку сейчас. Клим и растущая Луна, глядевшая в окно без любопытства, привыкшая ко всему. Призрачный лунный свет сбегал по тонкой девичьей фигурке, растворяясь в мехах. Откуда взялась мудрость не кинуться горячим зверем? Колдовство, магия... Обняв Варю за плечи, Клим повёл ладонями по её телу, сверху донизу. Ощупав пальцами острые лопатки, тонкие ребра, что так хочется пересчитать, прогладив пальцами каждый промежуток. Тёплая спина, бугорки позвонков, сбегające от основания шеи до ложбинки между ягодицами. Губами прошёл по ключицам, слева направо. Опускаясь на колени, приник лицом к груди, ощутив щеками упругий мягкий жар.

– Колется, – ойкнула девушка, затрепетав.

– Прости, прости!

– Пусть ... дальше!

Дальше. Ниже, губами и носом по животу, руками обняв ягодицы, огладив дрожащие и прохладные, но теплеющие бёдра...

– Нет!!!

– Что не так, Варенька? – Клим испуганно отпрянул.

– Смотрит, – пальчик Вари показывал за спину, глаза её округлились, губы дрожали.

На ворохе смятой одежды сидел и глядел на них Парамошка. Глаза его горели колдовским зелёным светом.

– Это мой друг, милая, друг и помощник...

– Нет! Он так страшно смотрит, – Варя готова была заплакать. Подхватив рубашку, она завернулась в неё, скрывшись, спрятавшись от мыша. И от Клим.

– Но, Варя..., – не мог найти слов парень.

– Нет. Или он – или я.

С минуту Клим переводил глаза с Варвары на зверька и обратно.

– Ты, – наконец сказал он и набросил на Парамошку рубаху.

Утром Парамошка пропал. Клим обыскал всё. Варя, видя его искренние обиду и недоумение, искала мыша вместе с ним, подсказывая укромные уголки. Да разве найдёшь маленькую мышь в доме, если она не захочет показаться? Не захотел. Не показался. Не вернулся.

Аккурат к свадьбе, когда обычные цветы все давно облетели и пожухли, зацвели у мельницы невиданные кусты, выросшие за одну ночь. Ярko полыхали они в наступающей зиме красным и синим, жёлтым и колдовским зеленым. Вопреки снегу и вьюгам. Веселили и согревали сердце. Только дядька Захар, проходя мимо, обычно тяжело вздыхал. Три года цветущие кусты радовали глаз прохожих. Примерно столько, сколько живет в сытой безопасной неволе обычная лесная мышь.

Ночной пир

Девушка была худенькая. Веснушки густо обсыпали её лицо и курносый, уточкой нос. Кафе пустовало, столики стояли свободными, но рыжая подошла именно к нему.

– Можно? – спросила она. Эдвин отставил коктейль и кивнул.

– Меня зовут Ванда, – сказала девушка, садясь напротив. На ней были широкие, бесформенные джинсы и заправленная в них клетчатая рубашка. Если бы не чуть более широкие бёдра и кокетливо распахнутый ворот, Эдвин принял бы её за мальчишку лет четырнадцати.

– Паук.

– Что?! – в её зеленых глазах испуг смешался с досадой.

– Паук. Так называют меня знакомые. На самом деле я Эдвин, – сплетя вычурно кисти, он напрягся, хрустнул суставами – и по столу побежал большой паук. Повернулся к Ванде, отсалютовал передними лапами, приветливо мигнул глазками – крупным перстнем.

– О, какая прелесть, – протянула девушка, – модификация?

– Нет, что ты, – ответил Эдвин, расцепив и массируя ладони, – это годы тренировок. Что будешь пить?

Номер в старом отеле на окраине города, возле порта, Эдвин снял пару дней назад. Место было хорошо всем, если бы не портье-зануда. Он долго пыхтел и бубнил под нос, изучая документы Ванды, но сдался.

– Совершеннолетняя, – заявил с досадой, возвращая паспорт. – Проходите.

– Ты всегда носишь его с собой? – Эдвин открыл дверь номера и пропустил девушку вперёд.

– Ага, – отмахнулась Ванда, осматриваясь. – А тут миленько! Миленько, миленько, и со вку-усом, – напевала она в ванной на мотив модного шлягера.

Под шум воды Эдвин сервировал фрукты и приготовил шампанское в серебряном ведёрке.

– Это хорошо, это правильно, – сказала Ванда, выйдя из ванной в махровом халате выше колен, – но это не главное. Приходи скорее, я жду! – она вложила ему в рот дольку ананаса. Потёк едкий сок и девушка слизнула его с подбородка Эдвина. – Не задерживайся!

Когда Эдвин вернулся, она поднялась с кресла и движением плеч сбросила халат. Полу-прикрыв глаза, Ванда наблюдала, как, остановившись в шаге, он смотрит на неё. Куда девалась мальчишеская угловатость! Ни капли лишнего или несоразмерного не было в её юном теле. Проведя ладонями по тонким ключицам, Эдвин поймал пальцами задорно торчащие соски маленькой груди. И сразу, будто повинувшись этому движению, груди начали расти и наливаться под пальцами.

– Прикольная модификация, правда? – промурлыкала Ванда.

– Ты чудо, – ответил Эдвин, и, ухватив девушку за плечи, притянул к себе.

Губы её были сладки и пахли фруктами.

– Я выпью тебя досуха, – пообещал он, оторвавшись.

– Сначала я, – опускаясь перед ним на колени, ответила Ванда, и рыжие волосы рассыпались по её спине.

Эдвин выдержал недолго. Подхватив девушку под бёдра, он с рычанием бросил её на упругий водяной матрац, и сам кинулся следом. Они свились странным четвероногим, четвероруким зверем, утоляя нетерпеливую страсть.

Первое соитие было коротким и бурным. Потом Ванда лежала, вытянувшись на скомканной шёлковой простыне и курила. Наркотический дымок завивался спиралью, щекотал ноздри Эдвина и рассеивался где-то под потолком. Присев рядом, Эдвин сплёл из пальцев толстого

неуклюжего щенка. Пёсик начал прогулку с пяток, прошёлся, переваливаясь, вверх по длинной ноге, лизнул круглую коленку, залез выше, ткнулся носом в лоно, чихнул и уселся на плоском девичьем животе.

– Щекотно, – сказала Ванда, жмурясь.

– Правда? – щенок исчез, теперь в руках у Эдвина были бокалы с пенящимся шампанским. – Пей, тебе потребуются силы.

Второй раз Эдвин взял её сзади, властно разведя коленями бёдра и крепко держа за круглые ягодички. Ванда покорно принимала его и едва слышно постанывала от наслаждения. Пик они встретили вместе, Эдвин ускорился и прижался грудью к вздрагивающим лопаткам. Прямо перед глазами пульсировала синяя жилка на шее, он потянулся и слегка куснул её.

– Хочу есть, – сообщила Ванда после, перевернувшись и откинувшись на подушки.

Эдвин накинул халат и позвонил, явился молодой слуга в ливрее с золотым позументом. Он быстро расставил на столике блюда, судки и приборы, стараясь не глядеть на девушку, слегка прикрывшуюся алой простынёй. Полотно совсем не скрывало изгибов тела, край простыни сбился, обнажив ногу от талии до маленьких пальчиков.

– Зачем смущаешь парня? – спросил Эдвин, когда слуга, обрадованный солидными чаевыми, закрыл за собой дверь.

– Ревнуешь? – ухватив куриную ножку, Ванда строго погрозила пальчиком.

– Завидую.

– Мм? – она вгрызлась в мясо белыми зубами и посмотрела вопросительно.

– Нам с тобой, – Эдвин улыбнулся, – еще так много предстоит этой ночью. Как не позавидовать?

– Шутник, – она хихикнула и прихватила из вазы янтарную виноградную гроздь. – Почему ты не ешь?

– Рано, – он пожал плечами. – Стану тяжёлым и неповоротливым, засну, а ты убежишь.

Запахи еды щекотали обоняние. Эдвин почувствовал, насколько он, действительно, голоден. «Ничего, – решил, – чуть позже».

– Ты так и не сказал мне, какая у тебя модификация, – Ванда села к нему на колени. – О! Ты снова почти готов. Знаешь, у меня был парень, – она стала ёрзать мягким задом, дразня и распаяя Эдвина, – он модифицировал свою штуку так, что был готов всегда. С ним, – Ванда обняла Эдвина за шею и обхватила его ногами, – можно было заниматься любовью даже когда он спал.

– Однако знакомые у тебя, – Эдвин почувствовал нарастающее возбуждение и прихватил её за талию.

– Ну и что? Можно подумать, – она засмеялась, щекоча его лицо рыжей гривой, – мы с тобой читаем Канта. И всё же, что ты модифицировал? Или ты натурал?

– Тебе будет не интересно. Так, железы, секреция, – но Ванда уже не слушала.

Закрыв глаза и погрузившись в свои ощущения, она медленно поднималась и опускалась на его бёдрах. Потом её движения ускорились, она глубоко, с присвистом задышала сквозь сжатые зубы. Груды увеличились и тяжело закачались в такт движениям. Струйка пота потекла по её лбу, повисла на кончике носа. Эдвин нагнулся и поймал эту каплю языком. Ванда застонала.

«Пора», – подумал он.

Прижав девушку к себе, он нащупал губами заветную жилку на шее, приник к ней ртом. Левый клык удлинился, превратился в тонкую иглу. Она проткнула кожу и вошла в вену. Ванда выгнулась, её начала бить дрожь оргазма. Эдвин кончил вместе с ней. На самой вершине его модифицированные слюнные железы выплеснули порцию энзимов пополам с сильным наркотиком.

– О, как хорошо, – прошептала Ванда. – Ты лучше всех...

– Отдыхай, милая, – Эдвин бережно уложил девушку на постель.

Выйдя на балкон, он раскурил толстую сигару и долго смотрел на огни ночного порта. Если город иногда затихал, устав от забот, забывшись коротким сном, то порт бодрствовал всегда. Резкие гудки буксиров, сигналы трейлеров, шум прибывающих и убывающих толп. Немного дальше загадочно мерцало в лунном свете море. Наконец, не в силах терпеть голод, он вернулся в комнату.

Ванда уже не дышала. Место укуса на шее покраснело и вспухло. Уже почти теряя сознание от голода, Эдвин вскрыл его острым ножом и начал жадно пить.

Скоро он выпил её досуха. Бережно скатал пустую шкурку, спрятал её в саквояж, оделся и вышел в ночь.

Русалка

Сквозь тёмную торфяную воду протоки безоблачное небо выглядело болотно—зелёным. Это было опасно, солнечный свет губителен, но русалка ничего не могла с собой поделать. Затаившись в камышах, жадно смотрела вверх неподвижным рыбьим взором.

Человек стоял совсем неподалёку, по колено в воде. Сквозь границу русалка видела только его голову, и эта картина смущала покой, разлитый в её холодной крови. Человека можно было бы назвать молодым темноволосым парнем, но она давно забыла слова. Стёрлись даже образы, стоявшие за словами, остались только чувства. Страх, голод, вожделение. Сейчас она чувствовала тоску по несбывшемуся. И что-то ещё, чему не всегда можно подобрать слов, даже зная их в избытке.

Взбаламутив воду, молодой человек вышел на берег и пропал из виду. Русалка сразу забыла о нём, лишь где-то в глубине осталась слабая неудовлетворённость. Наверное, это голод. Блеснула чешуёй неосторожная плотвичка. Русалка схватила её неуловимым движением и проглотила. Накатило сонное довольство. Она шевельнула хвостом и ушла на дно родного омута, спать. Только закачались потревоженные кувшинки, да всплыли серебряные блёстки, остаток трапезы.

– Ты не маленький мальчик, Антон, – повторил Семён Ильич, протирая очки чистым носовым платком. – Запрет касается всех.

У профессора всегда были свежие платки. Некоторые студентки всерьёз уверяли, что в профессорском чемоданчике, старом и облупившемся, нет вообще ничего, кроме платков. По одному на каждый день экспедиции. И столько же – на всякий случай.

– Да, Семён Ильич, – согласился Антон, – я взрослый человек. Никто не может мне запретить...

– Есть приказ ректора, – линза выпала из оправы, запрыгала по столу, Антон поймал её уже на самом краю. – Спасибо. Хочешь быть отчисленным? Её не вернёшь, а ещё один несчастный случай никому не нужен.

– Я не собираюсь топиться, – Антон встал. – Но хотя бы на берегу я могу стоять?

– Можешь, – Семён Ильич поставил стекло на место и снова взялся за платок. – Я уже жалею, что взял тебя с собой. Иди, и не делай глупостей.

– Постараюсь, – сказал Антон, выходя.

На улице было мокро. Собиравшиеся с утра тяжелые душные тучи пролились, наконец, весёлым летним ливнем. Капли колотили по дороге, сливаясь в лужи и ручейки. С козырька над крыльцом дома, где Семён Ильич каждый год снимал комнату для штаба экспедиции, лились тонкие струйки, разбиваясь в пыль об исшарканные доски.

Ольга стояла тут же. Невысокая, курносая, одна бровь чуть выше другой, одетая в джинсы и озорную рубашку с попугаями. Короткие каштановые волосы выбивались из-под развёрнутой назад бейсболки.

«Как у них это выходит? – подумал Антон. – Полдня в раскопе сидела, в тех же штанах, а они чистые, ни пылинки, ни пятнышка».

– Ругался? – спросила Ольга чуть хрипло.

– Что? Нет, – недовольно ответил Антон. – Зачем ты за мной следишь?

– Дурак! – она вспыхнула и закусила губу. – Я к профессору, мне спросить надо!

– Так иди и спрашивай!

– Грубиян! – пискнула девушка и юркнула в приоткрытые сени.

Антон остался на крыльце. Дождь ещё не кончился, хотя сквозь разрывы в облаках уже проглядывала синева. На курган идти было бесполезно, вечер, да и земля должна просох-

нуть сначала, раньше утра работы не начнёшь. Возвращаться в расположение, слушать унылые песни под гитару и трёп сокурсников, тоже не хотелось. «Постою пока тут», – решил Антон, приваливаясь к стене.

Шум капли начал стихать, и Антон услышал за спиной дыхание и тихие всхлипы. Ольга так и стояла за дверью и ждала. К профессору она, конечно, не пошла. «Зачем ей профессор, – подумал Антон со злостью, – не нужен ей профессор. За мной она ходит. Чего они все за мной ходят?!»

На самом деле, и Антон прекрасно это понимал, Ольга была хорошая девушка. Не избалованная жизнью и богатыми родителями, не горластая и не наглая, как некоторые первокурсницы. Не увлекающаяся яркой косметикой и духами. В автобусе, на котором они приехали в деревню, Оля сидела впереди него, и Антон зачем-то наклонился и вдохнул запах её волос. Они пахли чистотой и самую капельку цветущим лугом. Девушка завозилась в кресле, устраиваясь поудобнее, и её затылок и ухо оказались совсем близко от его лица. Потом он увидел, что она смотрит на его отражение в пыльном стекле, внимательно и серьёзно. Ему стало внезапно так неловко, что всю оставшуюся дорогу он просидел, уткнувшись в книжку и не глядя по сторонам, ругая себя за глупую выходку и боясь поймать её взгляд. И вот уже две недели Антон то и дело обнаруживал её близ себя.

На раскопе их квадраты оказались рядом. В столовой Ольга старалась сесть так, чтобы видеть его, и Антон чувствовал спиной бросаемые украдкой взгляды. От этого у него портился аппетит, и хотелось скорее доесть немудрёную снедь и уйти. Робкое это внимание тяготило его, мешало страдать и казнить.

Вот и сейчас, слушая тихое дыхание за дверью, Антон вспомнил Тамару. Он и тогда мало обращал на неё внимание, обычная девчонка в ряду прочих однокурсниц, а теперь в памяти остались только изумрудные глаза. Огромные, обрамлённые длинными чёрными ресницами, они преследовали его днём и ночью. В кошмарах, которые приходили теперь регулярно, эти глаза смотрели на него с укором и будто звали куда-то.

Их встречи во время практики даже нельзя было назвать свиданиями. Так, прогулялись несколько раз вдоль пологого речного берега. Ещё сохранилось ощущение тонкой гибкой талии под пальцами. В тот вечер студенты устроили танцы, и Антон танцевал с Тamarой белый танец. «Заколдую, мой будешь, мой», – шептала она, щекоча его шею горячим дыханием. Потом он сам приглашал кого-то, а уже ночью они все вместе, разгорячённые и радостные, отправились купаться при луне.

Упали последние капли, выглянуло солнце, подвесив радугу над дальним лесом. Снова стало душно, от дороги повеяло влажно и горячо. Антон отлепился от стены и спустился с крыльца. Перепрыгивая лужи, обходя ручейки, он пошёл вдоль старых, облупившихся заборов, палисадов, заросших лопухами и сиренью, мимо заросшего ряской пожарного пруда, в поле. Там дорога сворачивала налево, к древнему жальнику, к раскопу, но его ноги выбрали другой путь, чуть правее и вниз, к воде.

Широкая протока соединяла в этом месте два озера. Берега её заросли ольхой, камышами и борщевиком. Раньше, когда деревня была ещё жива, местные жители выкашивали берега, ставили бани, от которых остались большей частью покосившиеся, потемневшие остовы, проросшие кустарником. Лишь в одном месте сохранились дощатые мостки, куда причаливали бывавшие в деревне наездами рыбаки. Пройдя по узкой крутой тропинке, Антон спустился на старые доски. По обеим сторонам шумел камыш, качая фиолетовыми метёлками. Впереди, в метре, плескалась вода. Стайка мальков затаилась в тени почерневшего столбика, неторопливо полз прудовик через лист кувшинки, резвилась какая-то насекомая мелочь.

Русалка проснулась на дне глубокой ямы. Он был тут, рядом, она чувствовала это. Изогнувшись, она оттолкнулась от илистого дна и плавно заскользила ближе к берегу, на мелководье, в камыши. Затаившись среди стеблей, русалка беззвучно позвала.

– Вот тут лежали её вещи, – сказал Антон, и показал на сломанную скамеечку возле мостков. Ольга следовала за ним тенью от самого правления. Когда он спускался с крыльца, стукнула дверь, да и потом он слышал сзади её шаги.

– Платье упало за спинку, поэтому мы не заметили, что кто-то остался... Темно было, ночь.

– Она была хорошая? – спросила Ольга. Она подошла совсем близко, к самой воде, но не стала выходить на доски.

– Не знаю. Не помню, – сказал Антон и начал расстегивать рубашку. – Душно. Окунуться надо.

Задумчиво, будто прислушиваясь, но одновременно торопливо, он скинул кроссовки, начал стягивать джинсы. Доска под ногой поехала, шлёпнула о воду, и в ответ в камышах раздался сочный плеск, словно крупная рыба ударила хвостом.

– Не ходи! – вскрикнула Оля, глядя на его тёмный силуэт на фоне малинового заката. – Там что-то...

– Ерунда, – под нос пробормотал Антон и сделал первый шаг, – выдра, наверное. Тут должны быть выдры. Или бобры.

«Какие выдры, какие бобры! – хотелось закричать Ольге. Вместо этого она тоже начала раздеваться, путаясь в пуговицах рубашки. – Хоть купальник не забыла надеть, дурёха!»

Вода оказалась тёплой, но по коже побежали мурашки. Шаг за шагом она стала догонять Антона, чувствуя, как продавливаются липкий ил сквозь пальцы ног, ощущая острые ракушки нежными ступнями. Спина Антона была в нескольких шагах близко, он успел зайти по пояс. Кисти его опущенных рук тоже были в воде, это казалось неправильным, ведь, заходя в реку, руки всегда поднимают, их окунают только потом, готовясь плыть. Сейчас он сосредоточенно смотрел вниз, на чёрную воду, будто выбирая, куда нырнуть.

Снова плеснуло в камышах, потревоженная вода волной окатила девушке бок. Русалка покинула заросли, ударив от нетерпения хвостом. Теперь людей было двое, второй ей не нужен, неинтересен. Только бы не мешал. В сумерках они выглядели белёсыми плоскими теньями в толще воды. Подплыв поближе, русалка описала плавную дугу вокруг неуклюжих фигур, задела, пощекотала тела тинистыми прядями распущенных волос.

– Ой, холодно, – поёжилась Оля, передёрнула плечами.

– Сейчас я, скоро, – шептал Антон, потом встрепенулся. – Что?

– Холодно, – повторила девушка, делая еще шаг к нему.

– Ключи, наверное, – потом огляделся в недоумении. – Что ты здесь делаешь?

– А ты?

– Не знаю, – он набрал воду в ладони, брызнул на лицо. – Надо идти. Зачем? Чертовщина какая-то. Пошли на берег. Или хочешь окунуться?

Он уходил!

Тот, второй, уводил его! Русалка бросилась в илистую муть, ухватила за шагающие ноги.

– Что с тобой? – испуганно вскрикнула Ольга.

– Зацепился, – ответил Антон, оседая, – коряга, наверное.

На лице его проступили недоумение и страх.

– Руку, скорее руку давай! – Ольга вцепилась в протянутую ладонь, потянула что было сил. Вода вспенилась возле Антона буруном, будто ходила кругами большая рыба. Девушке

показалось даже, что среди волн серебрится в свете Луны толстый чешуйчатый бок. Закусив губу и скользя пятками в податливом иле, тащила она парня к себе. Потом вода с шумом раздалась, Антон сделал широкий шаг, и они вывалились на мелководе, в заросли остролиста близ мостков. Поднялись, и, не оглядываясь, сделали последние шаги до берега. Только тут они смогли немного успокоиться и оглядеться.

– Что это было? – спросила Оля, дрожа.

– Не знаю, не понимаю, – Антон помотал головой. – Ты порезалась.

Он осторожно коснулся рукой её спины, и девушка вздрогнула. На пальцах темнела кровь.

– Пойдём отсюда, скорее, – прошептала она, наклоняясь за джинсами. – Отвернись, пожалуйста, мне одеться надо.

– Да, да...

Натягивая штаны на мокрые ноги, он не удержался, глянул назад искоса. Чуть ссутулившись, Оля выжимала мокрые плавки. И тоже наблюдала за ним. Антон резко дёрнул головой, отворачиваясь. От неудобства начало гореть лицо. «Просили тебя, – подумал со злостью, оправдываясь, – а что она сама смотрит?» Но перед глазами всё равно стояли ей тонкая талия и белые ягодички, а в душе зашевелились надежда и сладкое предвкушение. Страстно захотелось почувствовать эту талию под пальцами, так, что сами собой сжались кулаки. Вернулось чувство горячих крепких пальцев на запястье, когда Оля вытаскивала его на берег. Неожиданно он почувствовал себя живым.словно провёл целый год во сне, словно безумное наваждение гнало его сюда, заставив забыть о людях вокруг, и только сейчас он будто впервые увидел эту девушку. Только сейчас открылись глаза и проснулись чувства. «В самом деле, дурак», – влезая в футболку, решил Антон.

– Всё, можно, – он развернулся. Узкая ладошка несильно шлёпнула его по щеке.

– Я, – начал Антон...

– Комар. Пойдём скорее отсюда, – повторила Оля, показывая руку, – иначе съедят.

В воздухе висел звон. Он раздавался отовсюду. Летучие кровососы столпились над ними густой, невидимой в темноте тучей и предвкушали пир.

Взявшись за руки, оскальзываясь на мокрой траве, и поддерживая друг друга, молодые люди вбежали на обрывистый берег. Там свежий ветер, налетевший неведомо откуда, рассеял, сдул комариные полчища. Молча, не решаясь произнести первые, самые трудные слова, Антон и Оля пошли в поле. Скоро Антон решился, и обнял девушку за плечи. В ответ она взъерошила его волосы рукой и положила голову на его плечо.

Забытая красная бейсболка осталась лежать возле сломанной скамейки.

Он уходил. Он, предназначенный ей чем-то, потерявшим название. Русалка билась в ярости среди камышей, кроша жёсткие стебли. «Догнать. Найти. Мой!» – возникли забытые понятия. Возникли и остались, повели за собой. Презрев инстинктивный страх суши, отринув ужас перед воздушной пустотой, она сжалась пружиной, распрямилась, ударив хвостом, и... выбросилась на глинистую кромку берега. Мгновенное удушье сменилось жестоким приступом кашля. Вода хлынула из лёгких, отвыкших от работы.

«Дышать, воздух, – проявились в памяти новые слова, а с ними, – тяжесть, усталость, боль». Хватая воздух ртом, русалка распласталась на берегу, придавленная собственным весом. Колючие камешки, пустые раковины, щепки кололи нежную, в тонкой чешуе, кожу. «Догнать!» – вспомнила она и, цепляясь руками за траву, поползла вперёд.

Ломило спину, чешуйки и клочки кожи оставались на её пути, но четверть часа спустя русалка выбралась наверх. В глине и грязи, в травяной зелени и налипшей трухе, она была похожа на фантасмагорическую химеру или работу злого шутника—таксидермиста. Вздрагивая всем телом и вяло шевеля широкой лопастью хвоста, русалка лежала на гребне обрыва.

В голове тихо шелестели голоса, принося ежесекундно новые слова и смыслы. Один из голосов был Его. Он нашёптывал что-то непонятное, но ласковое, и от этих слов странный, сладкий испуг заполнял её существо.

Боязнь сменилась эхом боли.

«Эта боль предназначалась мне», – пришла первая внятная мысль.

Боль превратилась в отзвук наслаждения.

«Это Я заслужила наслаждение и радость, – мысль продолжилась, обрастая образами и представлениями. – Я иду к тебе, милый».

Русалка приподнялась на руках и осмотрелась. Загадочно мерцало поле в лунном свете, серебрились кусты и ветви деревьев. Он был где-то впереди. Его надо найти. Быть рядом.

– Смотри, огни, – присев в стогу, Антон показал рукой на лежащую у подножия холма деревню. Ночной ветерок приятно охлаждал разгорячённое тело, уносил утомление. – Ищут кого-то?

– Они ищут нас! – Оля обняла его за шею, потянула к себе. – Пусть это будет нескоро...

– Пусть это будет нескоро, – эхом повторил Антон.

Чужое блаженство приходило тягучими, медовыми волнами. Очередная волна застала русалку в спутанных кустах ирги, совсем близко от вершины холма, куда безошибочно влекло её чувство направления. Он был совсем рядом. Русалка заворочалась среди колючих стволов. Напряглась, стремясь на свободу. Хвост выгнулся, истёртая кожа лопнула по всей длине. Русалка освобождено вздохнула и встала на ноги. Страхнула с груди и бёдер прилипшие чешуйки и пошла к видневшемуся неподалёку стогу сена.

Светало. В высоком безоблачном небе гасли последние звёзды. Тёплый воздух был неподвижен. Пахло скошенными травами и новой жизнью.

Русалочья кровь стала горячей, на глазах затянулись ссадины и порезы, обильно исчертившие тело. Исчезла измученная, изорванная химера, что билась мгновениями раньше в жёстких зарослях. Нагая юная девушка ступала по выгоревшей траве. Длинные волосы рассыпались по спине и полной груди, безмятежно смотрели вперёд зелёные глаза.

Антон лежал на спине, на раскиданной в беспорядке одежде, и тихо, размеренно дышал. Рядом, подложив левую руку под голову, и уткнувшись лицом к нему подмышку, спала незнакомая девушка. Закинув ногу на бедро парня, правой рукой она бережно держала пойманного соловья.

– Пускай отдохнёт, – сказала себе Тамара. – Когда проснётся, он поймёт, что я лучше. Заколдую. Мой будет, мой.

Она прилегла с другой стороны, и долго смотрела на его лицо.

Про монстров

Сидя у костра, Игнаций бездумно перекачивал в пальцах блестящий солид с профилем Кароля IV. Кароля Последнего, Слабого, как окрестили его злые языки при дворе. И вправду, никакое искусство художника или чеканщика не могло скрыть этот безвольный подбородок, эти одутловатые щеки, это общее ощущение мерзости и упадка. Больше всего, ехидно подметил Игнаций, возлюбленный монарх на монете напоминал зажавшегося борова, готового пасть от руки мясника. Туда и дорога! И прихвостням его, и присным... А особенно графу – вовек не вспоминать его имени – интригану и завистнику, что походя разрушил любовно возводимое карьерное здание.

«Дайте мне только выйти из этих болот, добраться до жирного твоего брюха», – мстительные мысли бесконечной чередой, тесня и обгоняя друг друга, проносились в голове Игнация, но лицо его было безмятежно, и руки не дрожали. Серебряный кругляш послушно перепрыгивал из ладони в ладонь, появлялся и исчезал, крутился и слепил глаза ватажников бликами от заходящего солнца.

– Эх, – крикнул Вяхирь, когда Игнаций вынул солид из его рыжей бороды, – затейник!

Он в восхищении покрутил головой, поворошил угли и подал Игнацию раскалённый, истекающий жиром кус мяса.

Пошёл второй месяц, как он прибил к ватаге извергов и татей ночных, если верить глашатаям на рыночных площадях, а на самом деле просто разных людей, обиженных или ободённых жизнью. Были среди них душегубы, как без них, но и просто запутавшихся и пустившихся в бега хватало.

Вот и он, Игнаций, в бегах, и никогда не расквитаться ему с графом – да будет проклято его имя, и с его жёнушкой, из-за которой Игнаций оказался в лесу. Вернее, из-за её колечка с бриллиантом, что так не вовремя выпало из потайного кармашка. Вот так проходит слава модного престижитатора и приходит слава вора.

Игнаций развёл пустыми руками и улыбнулся – всё, дескать. Начался ленивый разговор о здешних местах.

– Ещё рассказывают, – театрально понизив голос, начал рябой Стецко, – про нечистого, который сидит на болоте. Здешние людишки ему кланяются, почитают за бога и жертвы ему приносят.

– Кого же? – загорелся простодушный Вяхирь.

– А кто попадётся. Хоть девку, хоть мальчика. Рыжим да бородатым мужиком нечистый тож не брезгает!

– Ну тебя, шутник, – махнул рукой Вяхирь под хохот остальных, собравшихся вокруг костра разбойников.

Распухшее светило залило запад жёлто-багровым и алым, и медленно опускалось в низкое редколесье. За ним начиналась болотистая низина, на краю которой стали на ночлег ватажники. Огонь, разведённый между двух валунов, весело трещал, поедая смолистую лесину. Вечер оказался тёплым, в темнеющем воздухе звенели комары, и глухо вздыхала трясина за спинами разбойников.

– Ишь, бормочет, – опасливо покосился назад Вяхирь. К свои сорока годам он сохранил деревенское простодушие и незлобливость. – Боязно мне что-то. Будто глядит кто в спину. Слышь, Старшой, нам болотину эту стороной бы обойти?

В глаза и за глаза вожака называли Старшой. Может быть, кто-то из ватажников и знал его настоящее имя, но за прошедшие недели Игнаций не услышал его ни разу. Старшой, крижистый мужик примерно одних с Выхирем лет, чернявый, со злыми глазами, отложил мясо и повернулся лицом к огню:

– Нельзя нам в обход, голубь, – спокойно, но непреклонно ответил он, – с болота нас не ждут, а серебро храбрых любит.

Сказал, обвёл всех тяжёлым взглядом и снова принялся жевать.

– Это ты верно, Старшой, – поспешил согласиться Вяхирь, – серебро, оно да, оно для смелых...

Когда-то давно были в этих местах серебряные копи. На островке среди трясин оказался выход жилы, Кароль Первый поставил там острожек, пригнал каторжан, и десяток солдат, для охраны. Сотню лет горбатились в шахте враги короны, поставляя звонкий металл для монетного двора. Поднимались к небу дымы костров, в которых калили руду, а сами каторжники в своё время навечно уходили вниз, в бурые торфяные глубины.

Потом шахты оскудели, и копи оказались заброшены. Прошли десятилетия, и про выработки почти все забыли. Однако лет десять назад в обороте снова появилось серебро из местных шахт. Старшой, насколько Игнациус понял из обрывков разговоров, полуслов и полужраз за чаркой хмельного, узнал об этом у одного из менял. Наверное, этим знанием тот хотел купить жизнь, но добился лишь лёгкой смерти. Серебра было не так уж мало, значит, не ухоронка и не случайный клад разошлись по кошелькам и карманам, но и не слишком много. Тут Старшой и смекнул: не совсем обмелывали старые копи. Сидят на шахте людишки, ломают камень и преступно чеканят монету. А коли так, придётся делиться.

Вспомнив о серебре, ватажники оживились и загомонили.

– Будет монета, дом себе поставлю, жёнку возьму. Из городских, ласковую! – горячился Стецко. – Не всё мне по лесам шастать!

– Кому ты рябой нужен? Может, старуха какая позарится, – ехидничал кто-то.

– Да ты кому это врёшь, – Стецко рванул рубаху на груди, – да я...

Игнациус скривился. Опять свар, как же надоела ему громкоголосая деревенщина!

Старшой, как настоящий атаман, тоже не терпел лишних склок.

– Ша, братия, – рявкнул он, – пасти заткнули! После посчитаетесь.

Возразить из двух десятков человек не осмелился никто.

Опустившуюся тишину мгновение спустя разорвал птичий крик. Станный и малость неправильный. Сова? «То ли сплюшка, то ли ушастая, не пойму, – задумался Игнаций, перебирая в памяти давние охоты, – а должна бы болотная»... Звук повторился, и тут же коротко всхлипнул и начал падать головой вперёд один из мужиков.

Время для Игнация остановилось, сейчас – безумно размазалось, а звуки пропали. В безмолвии рывками сменяли друг друга картины: разбойник грузно падает в угли ... его голова выбивает облако искр... жало стрелы глядит наружу чуть выше его уха... висит в воздухе зловоние горящего волоса... чёрный провал рта Старшого и вздувшиеся жилы на его шее – «К оружию», – можно увидеть в движениях губ... Стецко с саблей в руке... неясное движение из темноты, тень, похожая на человека... Вяхирь, падает на колени, обхватив руками голову; из-под пальцев его бежит кровь... словно сторонний зритель следит Игнаций за собственной рукой, что путается в перевязи; это дико и невозможно; мешает зажатый в ладони давешний солид с профилем ублюдоного короля...

Потом время вернулось в предписанные берега, с жирным чмоком включился слух, но сразу мир вспыхнул безумными всполохами и разлетелся на осколки.

В голове бухало и звенело, как в те времена, когда Игнаций только приехал в столицу. Он ещё не знал нужных людей, был безденежен и жил в крохотной каморке на постоялом дворе. Окошко глядело на торжище и лавку чеканщика. Ремесло не терпит сонь, и Игнаций возненавидел того мастера и его инструменты.

Рот был забит какой-то липкой дрянью, поэтому его подташнивало, как от вонючего портового самогона. За сомкнутыми веками плавали цветные пятна, качались из стороны в стороны, и от этого мутило ещё больше. Ломило спину, словно в плечи и поясницу впились острые камни. Рук ниже локтей Игнациус не чувствовал вовсе. И словно волны шумели, накатывая на песчаный пляж. Игнациус прислушался, и шум превратился в голос: хрипловатый и низкий, но, несомненно, женский:

– ... спорите, сёстры? – похоже, женщина была молода. Только в девичьем разговоре можно услышать такие нежные тона, хотя и скрытые за нарочитой грубостью, – я так хочу, и так будет. Хватит одного.

«Это про меня? – удивился Игнациус. – Что случилось?» Он напрягся и сумел разлепить веки. Ничего не изменилось, вокруг была тьма. Но от малого усилия дикари, поселившиеся в голове, сильнее забили в барабаны, и снова загнали его в беспамятство.

Окончательно Игнаций пришёл в себя от боли в руках. Всю ночь его тащили куда-то, спутанного, как зверя. Теперь верёвки, стягивавшие его локти, сняли, и кровь пульсировала в онемевших кистях. Занимался рассвет. Небо на востоке посерело, и сквозь эту серость протаивали уже зеленовато-розовые тона. Игнаций сидел на моховой кочке, привалившись спиной к низкой болотной сосне. Голова гудела, но терпимо. Волосы слиплись от крови: похоже, стукнули его от души. На шею что-то давило. Игнаций поднял непослушные руки и нащупал широкий ошейник, ремень от которого был привязан к дереву за спиной. Вокруг, в утренней дымке, среди кочек торчали такие же угнетенные деревца. От видневшихся там и сям чёрных луж пахло стоялой водой. Болото! Зачем неизвестные «сёстры» затащили его сюда?

Перевязи со шпагой на поясе не было. Также не оказалось ни ножа в сапоге, ни шила в рукаве. Его обыскали – и сделали это хорошо. Но не убили. Он жив и почти свободен.

– Кха, кха, – закашлялся Игнаций. Звуки тонули в тумане, но его слышали:

– Очнулся, бычок?

Тот же голос, что и ночью! А вот и она сама – вышла из-за спины и протянула ему берестяную чашку с каким-то питьём. Только сейчас Игнаций почувствовал, как мучит его жажда! Стараясь не расплескать, он схватил сосуд и попробовал. Какой-то травяной отвар? Не отравя, наверняка. Не для того же его принесли сюда живым, что отравить? Прихлёбывая питьё маленькими глотками, Игнаций стал украдкой поглядывать на похитительницу.

Юная, невысокая, с огромными чёрными глазами – и очень коротко стриженная! Даже обритая пару недель назад, судя по длине волос. Девушка была одета в плотную грязно-зелёную куртку и такие же штаны, заправленные в крепкие сапоги. За спиной висел небольшой арбалет. «Это она стреляла там, у костра» – понял Игнаций.

– Нечего пялиться! – она отобрала у него чашку и добавила непонятно: – Рукам спасибо скажи.

– Почему... – начал Игнаций.

– Узнаешь, – она отвязала ремень. – Вставай!

Игнаций поднялся. Неподалёку собирались ещё несколько женщин, также бритоголовых, одетых в похожую, неброскую и удобную походную одежду. На одной из них Игнаций увидел свою перевязь со шпагой. Женщины не обращали на Игнация внимания, только одна, с перевязанной рукой со злостью зыркнула на него и отвернулась. Ещё две «сестры» возились возле длинного неопрятного свёртка. Всего похитительниц оказалось шесть человек, все вооружённые и уверенные в себе. Вспомнив ночную стычку, Игнаций решил не рисковать. Победа, а шансы невелики, ничего не даст. Он не аист и не лягушка, в болоте не проживёт.

Его размышления прервало невнятное мычание. То, что Игнаций принял за свёрток, оказалось мужиком с рыжей бородой. Его руки, как недавно у самого Игнация, были жестоко скручены за спиной, а изо рта торчал кляп.

Вяхирь!

Общими усилиями женщины подняли Вяхиря на ноги, и повели между кочками и окнами тёмной торфяной воды. Та, что с повязкой, обернулась и бросила:

– Смотри, Лиина, за своим. Сбежит – сама ловить будешь!

– Я помню, Янга!

Значит, её зовут Лиина, отметил Игнаций.

– Что это значит? – обратился он к девушке.

– Вперёд, – скомандовала Лиина, – за ними, шаг в шаг. И без шуток! Или связать руки?

В её руке появился узкий кинжал. По уверенности, с какой Лиина держала оружие, Игнаций понял: шутить не стоит.

– Нет, – буркнул он, и пошёл вперёд.

Игнаций не был сентиментален, но через час он искренне жалел Вяхиря. Если сначала Игнаций цепко смотрел по сторонам, примечал приметы, то скоро его главной заботой стало ступать точно по следам идущих впереди женщин. Там, где они прошли, со дна поднимались редкие цепочки пузырей. Это прорывался наружу болотный газ, потревоженный их ногами. Игнаций не мог понять, как, по каким приметам «сёстры» находили путь в этом царстве слякоти. Повсюду, сколько хватало глаз, виднелись неотличимые друг от друга кочки, покрытые ряской озера или травяные островки. Ни одной зарубки или другого знака не было заметно на попадавшихся сосенках и берёзках. Первая же попытка спрямить дорогу обернулась для него купанием. Теперь в сапогах хлюпало, а под одеждой противно зудело. Остановиться и привести себя в порядок Игнаций не рискнул. Неизвестно, как бы отнеслась к этому Лиина, но куда страшнее показалось отстать и остаться одному посреди унылого болота.

Вяхирю повезло гораздо меньше. Неудобно идти со связанными руками, тем более по болоту. То и дело Вяхирь взрывался бульканием и стонами, оступившись в очередной раз. Конвоиры терпеливо вытягивали его на тропу и гнали, тянули, подталкивали дальше. Зачем? Что значили слова Лиины «Одного хватит»? Причём тут его руки? Что ждёт их с Вяхирем?

Всматриваясь в пузырящуюся под ногами муть, Игнаций крутил эти вопросы так и эдак, но много ли подскажет грязная вода?

Они пришли на место, когда уже совсем развиднелось. Кочки разбежались в стороны, и открылось зеркало чистой воды. Озеро. Здесь женщины повернули направо, и шагов через двести вышли на небольшой песчаный бугор. От него в воду шагов на десять уходили широкие мостки, а рядом, в зарослях рогоза, была причалена длинная лодка.

Дорога вымотала всех, и они без сил повалились на песок, рядом: и конвоиры, и арестанты. Игнаций не считал себя слабаком, но сердце гулко колотилось о рёбра, а пот ел глаза. Рядом сипло дышали женщины, и натужно сопел Вяхирь. Развязывать его или вынимать кляп никто, похоже, не собирался.

Потом женщины схватили Вяхиря под локти и потащили к мосткам. Он не сопротивлялся, измученный и махнувший на всё рукой. Лиина осталась с Игнацием. Жало болта смотрела ему в глаза. «Вряд ли она промажет» – напомнил себе Игнаций.

– Молчи. Не двигайся. Иначе сёстры не послушают меня, – тихо сказала она, – и ты окажешься рядом с этим.

– Лицо, – приказала ему Янга, вернувшись. Она обмазала лоб и щёки Игнация какой-то пахучей мазью; намазались ею и все остальные.

Они уселись на песке. Янга достала варган... и заиграла! Никогда в жизни не слышал Игнаций подобного. Дребезжащий, слегка надтреснутый звук поплыл над озером. Низкие и высокие ноты чередовались в беспорядке, из которого начала прорастать тёмная, извращённая гармония. Помимо воли Игнаций стал погружаться в полудрёму – полуявь. Одновременно изнутри начало подниматься нечто страшное и кровавое: как упоение боем, когда рук не хватает, и хочется грызть врага зубами; как гнев, застилающий глаза; как лютый, неутомимый голод, разбуженный мертвенным светом луны. Нечто, неподвластное разуму. Тонкая корка

человеческих привычек лопнула, и из глубин души Игнация вышел зверь. Явился забрать своё, причитающееся по праву!

– Он идёт! – хриплый голос Янга разорвал морок.

Игнаций открыл глаза.

– Он идёт, – выдохнули остальные «сёстры».

– Он идёт..., – прошептала Лиина. Пальцы её побелели на ложе арбалета. Стрела ни на волос не сдвинулась в сторону.

Мир вокруг не изменился – и изменился одновременно. Воздух пах теперь не только водой и багульником, в нём чувствовалось ожидание страшного.

Волна плеснула в безветрии и тишине. Шагах в ста от берега на озёрной глади образовалась небольшая воронка и стала быстро приближаться. Вода по ходу движения выгнулась горбом, как за кормой поймавшей свежий ветер шхуны. Невдалеке от мостков и Вяхиря воронка исчезла, вода забулжила, и из неё показалась гигантская змеиная голова. Плоская, саженой ширины, чёрно-зеленая с фиолетовым отливом, покрытая чешуями размером со сковороду или рыцарский наплечник. В глубину уходило толстенное, чуть уже шеи, тело. Два чёрных, равнодушно-пустых глаза смотрели в никуда, и при этом на каждого по отдельности.

Дико выгнулся привязанный к мосткам Вяхирь. Застонал в бессмысленной мольбе.

Игнаций сидел еле живой от ужаса. Стецко, рассказывая байку про болотного демона, не соврал.

Чудовище приоткрыло пасть и алым языком, похожим на толстого двухвостого змея, облизало воздух вокруг смертника. Вяхирь обмяк и замер. Обморок. Боги пошутили – или демоны сжалились, какая разница? Ему так легче, умрёт без мук. Мгновение аспид раздумывал – и молниеносным ударом схватил жертву. С треском оборвалась верёвка, мелькнули ноги в грязных сапогах, змея по-птичьи дёрнула головой, проталкивая добычу в глотку.

Игнаций шумно выдохнул.

– Молчи! – прошипела Лиина, но тварь уже была рядом. Толстое тело обвилось вокруг бугра, а змея раздвоенным языком неуверенно, словно в сомнении, ощупывала замерших людей. Язык был гладкий, холодный и пах сырой рыбой.

«Сожрёт» – понял Игнаций, сдерживая дрожь. Ещё миг, и он бросился бы бежать, не разбирая дороги, в омут, в трясину, куда угодно, только подальше от мерзостных прикосновений. Этот миг не настал. Вот змея была рядом, и уже нет её, и только бьёт в плашки мостков потревоженная вода.

В тишине прошло несколько минут, потом Лиина осторожно разрядила арбалет и с облегчением откинулась назад.

Игнаций тут же вскочил и отбежал подальше, к двум старым кривым ивам. Глупо, но когда между ним и женщинами оказались древесные стволы, ему стало легче.

– Что это было?! Кто вы такие?! И зачем?!!

Лишние вопросы, но ему ответили.

– Великая Змея. Мы тут живём, на острове. А этот был бандитом, как и ты.

Наверное, вызов Великой Змеи – дело непростое, поэтому Янга говорила тихо и безразлично.

– Зря ты про остров, – сказала одна из женщин.

– Он и так видел слишком много, Зура, – отмахнулась Янга, – теперь или с нами, или утопить. А девка, – Янга кивнула на Лиину, и та угрюмо нахмурилась, – не позволяет топить. Чего зыркаешь, глупая?

– Я решила. И мне отвечать!

– Ответишь, – махнула рукой Янга, – да как бы поздно не было...

– Эй, – обнаружив, что его не собираются убивать прямо сейчас, Игнаций вернулся и присел на нос лодки, – чего про меня без меня решаете? А если я с вами не хочу?

– Оставайся, тать, – Зура пожала плечами, – воды тут много. Жрать будешь лягушек, потом мазь протухнет, придёт Змей и съест тебя. Захочешь лодку украсть, тогда мы точно тебя убьём. Лиина стреляет метко.

Лиина кивнула:

– Не промажу!

– Не надо стрелять! – Игнаций просительно прижал руки к груди. – Я простой артист, фокусник.

– Да, – Зура вынула нож. Один из потайных ножей Игнация, тонкий, узкий и острый как бритва. На чёрном полотне лежал тусклый блик, – простой артист.

– Но этот змей, – Игнация передёрнуло, – это чудовище! Вы поклоняетесь демону! Вяхирь не заслужил такой смерти!

– Вы все её заслужили! – отрезала Янга. И добавила: – Кланяешься ты своему цепному псу? Нет! Но чтобы собака стерегла дом, её надо кормить.

На острове жили только женщины. Сбежавшие от жестоких мужей и деспотичных родителей. Плоды любви созревают быстрее, чем кончается само чувство, и почти все приходили с детьми. Принимали только девочек. Старая Эллис, мать Лиины и предводительница общины, жёстко выдерживала это правило. Тем, кто пытался попасть на остров с сыновьями, предлагали выбор: бегство или ребёнок. Пока существовала община, сыном не пожертвовал никто.

Жизнь беглянок была проста. Они ловили и заготавливали рыбу, огородничали, били уток и гусей. Главной подмогой оказались, однако, старые копи. Драгоценный металл сохранился в отвалах и в старых штреках. Его было не так много, чтобы обратить на себя внимание Короны, но хватало на жизнь полусотне женщин и девочек.

Часть он понял из разговора «сестёр», пока они переправлялись на остров, кое-что додумал, вспоминая слухи, что бродили по окрестным сёлам. Ещё больше услышал от Эллис. Надсаживаясь, матушка так кричала на Лиину, что Игнацию захотелось оказаться на болоте, рядом с Великой Змеей. Или в яме у графа Эдуардо, будь благословенно его имя во веки веков! Только подальше от сумасшедшей старухи, раздери её лихоманка!

Не тут-то было.

– О чём ты думала, дочь, – произнесла вдруг Эллис так спокойно, и Игнацию стало совсем неуютно, – когда тащила сюда ЕГО?

– Матушка! Ты говорила, что сёстрам нужно развлечение...

– Ты в уме ли, девчонка?!!

– Нет же, матушка, ты не поняла! Он фокусник, искусник. Пусть детки порадуются...

– Искусник..., – матушка села и спросила холодно: – Как звать тебя, фокусник?

– Игнациус, сударыня, – ответил Игнациус, и достал солид...

В отличие от других сестёр, заселивших каторжные бараки и казарму охраны, матушка Эллис жила в каменном здании бывшей конторы, неподалёку от причала. Сирень и бузина подступили вплотную к открытым окнам, и именно в этих кустах спрятался Игнаций, сбежав от восторженной гурьбы девочек, таскавшей за ним с рассвета. Успех был оглушительный, но за два проведённых в общине дня Игнациусу смертельно надоела привязчивая мелюзга. Тщеславный артист внутри млел в лучах славы, но тёртый авантюрист и ватажник озирался и косил по сторонам. Вспоминался Вяхирь и Великая Змея. Надо было бежать, и как можно скорее, но сначала...

– А что потом, дочка, ты подумала?

Старуха оказалась дома. Голоса звучали чуть слышно, и Игнаций замер, стараясь не шевелиться и дышать через раз.

– Мамочка!

Лиина!

– Молодой мужчина – это не котёнок, не щенок. Его не запрёшь в доме, он захочет большего, чем миска каши! Мы не просто так ушли сюда, милая...

– Что же делать, матушка? – голос Лиины дрожал. «Дурочка» – беззвучно хмыкнул Игнаций. Как смотрела на него девушка во время утреннего представления! Она уже насытилась фокусами, и, похоже, хотела чего-то большего, сама не понимая – чего именно. Видевшая мужиков только через прицел арбалета, не понимая, что делает, Лиина наводила вечные женские чары, топила его в чёрных глазах-омутах. Глупая... Не чистая вода в тех омутах, а бездонная трясина. Не утопишь и не проглотишь! Я не Вяхирь, а ты – не Великая Змея.

– Завтра на рассвете уведёшь его назад, – наставляла тем временем Эллис. – Коротким путём, с завязанными глазами. Кружи, петляй... Но чтобы он никогда не нашёл дорогу через трясины!

– Смогу ли я одна?

– Янга поможет, – Эллис тяжело вздохнула. – Иди, моя хорошая!

Хлопнула дверь. Мелькнула сквозь густую листву лёгкая фигурка Лиины.

– Теперь слушай, – теперь в голосе Эллис не было и следа материнской ласки. – Разбойник не глуп. – «Ах, ты, ведьма!» – Он должен понимать, что у нас есть помощницы там. – «Невелика тайна» – Поэтому он не должен выйти из болота!

– Да, хозяйка, – с радостной злостью ответила Янга, – он останется там!

Приговорили, со странным восхищением понял Игнаций. Да только Игнация просто так не возьмёшь, он ещё поборется! Нужно раздобыть оружие – и не повторять ошибок, держать ухо востро. Но что это?

– Сюда, скорее, сюда! – закричали с берега. – Матушку позовите! Янга где?

Застучали каблуки, Янга пробежала, за ней, охая и отдуваясь, проковыляла старая Эллис. Прокравшись вслед за ними, Игнаций глянул на озеро из зарослей камыша и тихо присвистнул. Старшой сделал выводы из ночного нападения, и совсем не те, на которые рассчитывали сёстры.

Разрезая острыми носами встречную волну, к острову приближались три лодки.

– Раз! Раз! – мёрно взрывал с носа передней Старшой и размахивал в такт левой рукой. В каждой лодке было по шестеро ватажников. Четверо за вёслами, ещё двое со щитами в руках прикрывали гребцов со стороны берега. Атаман держал щит одной рукой, а рядом сидела женщина. Связанные руки мешали держать равновесие, и она неловко кренилась на сторону. Красный платок сполз на шею и вился на ветру змеиным языком.

Вот одна из помощниц, понял Игнаций. Теперь она заложница. Старшой не терял времени. Нашёл проводницу, вызнал короткий путь, иначе лодки не протащить, и вот теперь он тут. Что делать будешь, старуха?

Загудел варган, и Игнаций поспешил назад, ближе к надёжным каменным стенам жилища Эллис. Не слышать этих звуков, не видеть кошмарной твари. Как легко Эллис принесла свою соратницу в жертву холодной гадине! Эллис да Змея – сёстры, как видно. С этой мыслью Игнаций подтянулся и исчез в открытом окне конторы.

К воде он вернулся, когда всё было кончено. Только прыгала на мелкой волне лодочная щепка у ног старухи, да Янга с мёртвым лицом мяла в руках мокрый малиновый лоскут.

– Завтра ты уйдёшь, – Эллис ткнула в грудь Игнацию скрюченным пальцем. – Расскажи всем: так будет с каждым. Вашему племени тут не место. Поди с глаз!

Лиина пришла после заката.

Игнаций молча посторонился, пропуская арбалетчицу в дровяной сарайчик за огородами, где провёл две прошлые ночи, а теперь собирался провести третью, возможно, последнюю в жизни.

- Зачем ты здесь? – бросил равнодушно. – За фокусами? Я устал и хочу спать.
- Не знаю..., – девушка посмотрела в его глаза: – Янга отдала её Змее! Просто так, как и остальных... Свою мать! Ты видел?
- Я догадался. Что с того?
- Но мать, женщина! – слёзы блеснули на её глазах.
- Три дня назад ты убила человека, – удивился Игнаций, – потом вы с подругами накормили Змею ещё одним. И сегодня.
- Это другое!
- Нет!
- Матушка учила, что мужчины – всё равно, что звери! – она теребила шнуровку куртки. – Я не понимаю... Но так не должно быть? Я увидела твои руки... это не звериные лапы. Я смотрела на тебя, когда ты..., когда у тебя..., звери так не могут! – Лиина всхлипнула и прижала руки в груди. – У меня щемит здесь, когда я смотрю на тебя. Что это? Это ...любовь? Я хочу понять!
- Ты поймёшь.
- Игнаций закрыл дверь и заложил её изнутри крепкой жердью.
- Только обещай быть послушной и ничего не бояться.

Янга осталась в том самом бочаге с ненадёжными глинистыми берегами, который приготовила для Игнация. Догоняя на опасном участке, ошиблась и не нашла, куда надёжно поставить ногу... Игнаций пытался подхватить и удержать её, но смог зацепить только кончиками пальцев, когда гнилая вода уже скрыла женщину с головой. Мгновения борьбы, рука её соскользнула и... всё. Так, надеялся Игнаций, это выглядело со стороны. Фокусники умеют многое. Например, толкать, но делать вид, что тянешь.

Потрясённая, Лиина попыталась впасть в истерику, и Игнацию пришлось успокаивать её, перемежая пощёчины и поцелуи. Теперь она потеряно плелась впереди, а Игнаций считал барыши. Шпага осталась на острове, зато сапожный нож и шило вернулись к хозяину. Душу приятно грели слитки за подкладкой полукафтана. Он сильно рисковал вчера, обыскивая старухину берлогу, но Эллис, привыкшая к послушанию сестёр, даже не подумала проверить серебро. Но главное спряталось в поясном кошелье. Варган и склянка с зельем! Думали, посадили чудовище на цепь? Ключ-то – вот он! Рано или поздно тварь проголодается. Что сделает голодный волкодав, сорвавшись с цепи? Убежит? Сдохнет с голоду? Или сожрёт хозяев? Туда и дорога...

«Думаешь, меня полюбила? Где тебе, не знавшей любви... Моя инаковость привлекла, моё искусство, моё отличие! Мои руки... Глупая. Той же мерой отмерю. Не тебя люблю – не за что, путь на свободу в твоей голове!»

– Долго ещё? – спросил он сипло.

– Час. Полтора... Здесь нельзя торопиться.

«Час-полтора. Что с тобой делать? По справедливости, ты спасла меня, – шило привычно легло в ладонь, – но лишь из прихоти. Надо решить, пока не вышли из болот. Потом будет поздно. Я решу, я обязательно решу. Время ещё есть...»

Основа жизни

Говорят, Марс – красная планета. Не верьте! Он разный и цветной. Он рыжий, он белый, он серебрится тонким песком дюн. Там, где горные породы прорываются наружу, сквозь вездесущий песок, можно увидеть все цвета радуги. Хотя красный цвет – главный. Красный и немного жёлтого.

Но совсем нет синего и голубого, и это казалось Вене обиднее всего! Красный и жёлтый должны дополняться голубым, иначе мир ущербен. Но человек предполагает, а Марс располагает.

Ещё располагал начальник экспедиции, Феликс Багратионович.

– Потряхивает, – обратился он к ногам Вениамина. Ноги завозились, и из недр видеомодуля появилось недовольное остальное. – Собирайся, пройди по территории, проверь сейсмику. Не нравится мне что-то. Данные с ощущениями не бьют.

– Но я, – начал Веня Решетов, программист, сейсмолог, схемотехник, электронщик, а также «подай-принеси», как и любой другой участник экспедиции без научной степени.

– Доделаешь потом.

Это было четыре часа назад.

Редкая сеть сейсмодатчиков вокруг станции уходила в пустыню на десяток километров во все стороны. Марсотрясения – штука редкая, но неприятная, и исследование активности коры стало, после разведки месторождений воды, важнейшей задачей экспедиции.

Ближние датчики Вениамин проверил быстро. Местность неподалёку от жилого купола давно уже была изъезжена вдоль и поперёк, выглажена гусеницами вездеходов и электрокаров. Крупные барханы пошли в дело, в основу пенобетона, и сейсмодатчики – тяжёлые свинцово-серые цилиндры с длинным хлыстом антенны наверху – торчали прямо в скальном основании плато. Курорт, а не работа! Подогнать тележку электрокара к датчику, отъюстировать, снять показания, отправить тестовый импульс на базу, получить подтверждение – пять минут, и можно отправляться дальше.

Дальше стало труднее.

Электрокар натужно мят песок между барханами, жалуясь на нехватку сил, поэтому Решетов шёл рядом. «Треть от тяжести земной!» – то ли уговаривал себя, то ли иронизировал он, загребая ногами. Ниже гравитация, говорите? А про усиленный вакуум-скафандр вы забыли? А про массивные баллоны с кислородом? Про модуль вторичной переработки, накопец... Если посчитать, сейчас Веня весил в полтора раза больше, чем на Земле. Проваливаясь с каждым шагом почти по колено, Вениамин взобрался на верхушку бархана и сел рядом с антенной сейсмодатчика. Бродячая дюна совсем засыпала его, оставив короткий полуметровый кончик. «Повезёт кому-то – расчищать», – подумал Веня и задышал реже: регенератор за спиной натужно подрагивал, поглощая из воздуха внутри шлема влагу и углекислоту. «Ещё и аккумуляторы, чёрт», – ругнулся Вениамин и достал тестер. Для проверки датчика, укрытого грунтом, требовалось ввести поправочные коэффициенты. На глубину залегания, на плотность окружающего песка... Рутинная, быстрая только на первый взгляд. Прибор достаточно было закрепить на антенне, дальше всё шло автоматически, но очень-очень неторопливо! Причем, чем глубже был датчик, тем медленнее.

Веня не успел ещё подключить тестер, как внизу дрогнуло, и широкий пласт песка с шипением поехал вниз, к основанию дюны. Потряхивает, да... Раскинув руки и ноги, Веня распластался на песчаной волне. Главное, держаться сверху. Засыплет – не выберешься. Дождавшись, когда песок успокоится, Вениамин встал и с досадой посмотрел на оставшийся далеко вверху хлыст антенны. Опять на верхотуру, да с этим ящиком на спине!

– База, база, – защёлкал кнопками коммуникатора в поисках волны. Наушники откликнулись шипением и свистом. Марсотрясение – всегда перебои в связи. Повышенная ионизация атмосферы, статика от сухости и холода – ареодезики сказали бы больше. Радиомолчание. Долгое: часы, а иногда и сутки после толчка. Вот ведь угораздило!

Не беда. Десять километров от базы – пустяк, прямая видимость почти. С верхушки соседней дюны можно заметить солнечный блик на куполе.

Электрокар, опрокинутый набок, присыпанный кирпично-ржавой пылью, лежал шагах в пятидесяти, в сторону солнца. Поглядывая на затёртую монету звезды сквозь светофильтр шлема, Вениамин добрёл до машины и опустил на колени – откапывать.

Низкий гул пронёсся над пустыней, и вместе с ним всё вокруг расплылось и размазались. Руки, барханы, ребристое колесо электрокара потеряли на секунду резкость очертаний. От низкочастотного звука заныли зубы и потемнело в глазах. Потом Марс ударил Вениамина снизу, ударил так, что лязгнула челюсть. Поверхность под ногами заходила ходуном, колесо кара нырнуло куда-то вперёд, и Решетов ухнул за ним, за потёртой, в царапинах, грузовой платформой, а потом что-то стукнуло его сзади.

Очнулся Вениамин от жары и тишины. Звук работающего регенератора, который уши привычно не слышали, исчез, и это беззвучие неприятно ударило по нервам. Регенератор – это чистый воздух, это вода, это теплообмен и вентиляция скафандра. Без регенератора он проживёт ровно столько, на сколько хватит кислорода в баллонах, если раньше не погибнет от перегрева. Вениамин глубоко вздохнул – и почувствовал запах. Резкий и душновато-пригорный. Так же пахло на станции, когда засбоил станционный генератор, и рабочее вещество вторичника стало разлагаться без притока энергии.

В тот раз на ремонт понадобилось три дня. Феликс срезал нормы потребления воды и, как он выразился, «закрутил гайки». При чём тут были гайки, Веня не понял, но хорошего в ситуации оказалось мало, а запашок запомнился навсегда, как признак неудобства и аврала. С водой экспедиции вообще не очень повезло. При выгрузке одна из цистерн треснула, это заметили не сразу, и марсианское давление очень быстро съело четверть всех запасов. Ареологи искали, бурили пробные скважины, но ископаемых запасов так пока и не нашли.

Пару минут Вениамин лежал и мысленно ощупывал себя: переломы, ушибы? Похоже, он был цел. И даже избежал сотрясения мозга. Счастливчик... Исследовать скафандр Решетов не стал. Будь в нём заметный разрыв, Веня был бы уже мёртв. Мелкие дыры и трещины в сочленениях костюм лечил сам.

Вениамин пошевелился, подвигал руками и сел. На ноги словно навалили что-то тяжёлое, вроде мешков или плотных подушек.

– Бестолочь, – буркнул Вениамин и включил фонарь шлема.

Аккумуляторы оказались в порядке, и стало светло. Вениамин находился под поверхностью Марса, в маленькой пещерке, по пояс в красном железистом песке. Каменные стены над головой смыкались в круглый купол. Овернувшись, Веня увидел сзади такой же песок и такой же камень, но в сетке трещин.

Случилось, как он понял, вот что.

Марсотрясение раскололо плато, и его пещерка представляла собой каверну в стене получившейся трещины. В нее хлынули массы песка, увлекая за собой электрокар и вцепившегося в него Веню. Здесь ему повезло второй раз, от удара руки разжались, и Вениамин задержался в каверне. Вовремя полость подвернулась, и это стало уже третьей удачей.

– Вот оно, – пробормотал Веня, ощупывая бугристое дно каверны. Примерно там, где раньше лежали его ноги, камень закончился, руки провалились, и он ткнулся вниз щитком шлемофона. Видно, вся скала была пронизана пустотами, и сейчас Вениамин чувствовал, как движется под ладонями песок, утекая куда-то вниз. «Завалит!» – от этой мысли похолодела спина и защипало кончики пальцев. Веня замер, потом, ломаными движениями

и стараясь не дышать, вытащил руки. Песок осел, заполнив новое место, сверху лениво съехала рыжая струйка – и остановилась в нескольких сантиметрах от Вениной головы. Тонкий, блескуче-рыжий, мелкий как пыль песок будто слабо шевелился в неверном свете головного фонаря. Он был так близко, перед самыми глазами, словно просочился сквозь пластик и вознамерился уже попасть в нос, и Вениамину безумно захотелось чихнуть.

– Это я попал! – и от звука собственного голоса Веня успокоился. Попал не попал, а посмотреть, что к чему, и постараться найти выход следовало. Каверна, где он находился, формой больше всего напоминала пузырь в куске пемзы. Когда-то неведомые процессы вспенили камень, поэтому пузырь был круглым, с идеально гладкими стенами. Но что-то пошло не так, и каверна получила грубый складчатый пол. Не будь этих складок, задержавших падение, Вениамин повторил бы судьбу электрокара, погребенного где-то внизу.

– Я везунчик, да? – спросил Веня у теней от фонаря. – Хороший мне попался пузырь?

Тени не ответили, продолжив свою погоню за лучом света. Только один кусочек черноты остался на месте, сделал вид, что он тут ни при чём. Отверстие с неровными краями, дыра в стене! Следствие недавнего толчка. Протянув руку, Веня взялся за край дыры и потянул на себя. Скала тонко crackнула и отдала новый кусок: плоский, сантиметра три толщиной, вытянутый пятиугольник. Чернота превратилась в отверстие, за которым что-то брезжило на пределе светочувствительности и щекотало взгляд.

– У-уф, – протянул Вениамин, глотнул горячего воздуха и сделал то, что настоятельно не рекомендовалось всеми уставами и инструкциями: крепко зажмурился, а потом освободил и откинул щиток шлема. Взвился короткий писк и потух, не в силах преодолеть рассеянную атмосферу. Это датчики герметичности забили тревогу, и в ту же секунду коммуникатор выплюнул в эфир экстренный вызов спасателей.

«Один, два, три», – считал Веня, а морозный воздух выхолаживал скафандр. «Четыре, пять, шесть», – давление в ушах и за глазами яблоками росло, щёки онемели от холода.

«... Десять!» – досчитал Вениамин и аккуратно закрыл щиток. Тут же умная автоматика заблокировала замок и стала накачивать осевший, съёжившийся костюм кислородом. Спасать обитателя скафандра от пустоты.

– Ффу! – выдохнул Решетов и медленно, чтобы не пораниться смерзшимися ресницами, открыл глаза. «Получилось!» – радость смысла мгновенный страх. Этому финту его научил один из разведчиков, Иван. Способ вполне безопасный, если не запаниковать и не сломать случайно замок шлема.

Если верить коммуникатору, марсотрясение случилось часа два назад, значит, примерно столько же времени у него в запасе. Потом скафандр придётся вентилировать заново. Кислорода навалом, часов на тридцать. Его откапают гораздо раньше. Нужно только потерпеть. Пока же можно осмотреться. Потом набегут спецы, а он вернётся к модулям и программам, а под Марс попадёт разве на экскурсию.

Стенка поддавалась легко, как первый осенний лёд. Как всякий ребёнок, в детстве Веня любил возиться в ноябрьских лужах, доставать оттуда жгучие ледяные осколки и смотреть сквозь них на солнце, как через иллюминатор, пока пальцы не немели от холода или вода не затекала в рукава... Почему-то Вениамин не захотел ломать стену одним ударом, а решил аккуратно разобрать её.

Стопка сланцевых черепиц росла, и скоро открылся проход во тьму.

Будь дело на Земле, Вениамин сломал бы шею. Но одна третья – не единица, и он успел извернуться и упасть на руки, а не на голову. Пол в соседней каверне, такой надёжный на вид, оказался ледяным. Сверху он был припорошен тонким слоем рыжей пыли, и это обмануло Решетова. Марсианские башмаки не рассчитаны для хождения по льду, и Веня заскользил, едва шагнул в проделанное отверстие.

Поднявшись и прочно став на ноги, Веня перенастроил фонарь на рассеянный свет и оглядел новый пузырь: крупный, метров пятидесяти в диаметре, с гладкими стенами, которые косо, под отрицательным углом уходили вниз. Выходило, что общий объём пузыря много больше, и львиная доля его была наполнена чистым водяным льдом! Это казалось невероятным, но зачем врать встроенному в скафандр спектрографу?

На глаз высота купола составляла метра четыре. По зеркальной поверхности, в которой гротескно отражалась решетовская фигура в горбатом скафандре, подобно лишайникам были раскиданы пятна снежной изморози. Свет фонаря, многократно отразившись от купола и стен, наполнил полость блеском мириад разноцветных искорок, так, что зарябило в глазах. По видимым размерам и кривизне свода Вениамин прикинул запас воды. Получилось грандиозно. На годы вперёд – и никакой экономии!

Феликс Багратионович Тмян, начальник экспедиции и академик, мерил конференц-зал из угла в угол, смешно подскакивая при каждом шаге. Как обычно в ответственный момент, Феликс Багратионович забыл включить систему активной адгезии, или попросту – магнитные башмаки.

Обоим наблюдавшим его метания смеяться не хотелось. С момента пропажи Решетова прошло уже двенадцать часов, но где именно его искать, на каком участке ломаного маршрута, было непонятно.

– Дельвиг, – Тмян остановился напротив Дельвига Корпу, главы ареодезической группы. – Ты точно проверил? Вдруг сигнал затерялся среди данных сейсмоки?

– Сомнительно, Феликс, – Тмян и Корпу учились вместе и были на ты. – Совсем другой канал. Но гипотетически, учитывая возможные сбои... Ищем.

– Ищите! – и Феликс Багратионович засеменял дальше. – А...

– Зонды запускаем каждые пятнадцать минут, – отрапортовал зам по общим вопросам и науке Отто Иванов. – Чаше невозможно. Поиск, смена кассет и зарядов, всё это время. Результатов пока нет.

– У парня воздуха меньше чем на сутки, – сморщился Тмян и уселся в кресло, но тут же вскочил и продолжил беготню. – Что акустика? Кто-то обещал мне «услышать сердце воробья среди рёва урагана»!

– Полностью забита паразитными шумами. Марсотрясение, Феликс Багратионович, сильнейшее за всю историю наблюдений. Трески, шорохи и скрипы. Кора до сих пор не успокоилась. Невозможно...

– Это с вашим-то, – всплеснул руками Тмян, – оборудованием?! Изыскивайте возможности, работайте.

Он остановился, и на мгновение из-за маски энергичного руководителя выглянул смертельно усталый и теряющий надежду человек:

– В атмосфере, до тропопаузы, висит пыль, спутники тоже не видят ничего. Но не мог же он пропасть бесследно!

– Сотня квадратных километров площади, Феликс, начиная с отметки 17, где Решетов последний раз вышел на связь, и в сторону дальнего периметра, к югу. Сейчас там Ребров и все, кого удалось снять с работ. Ходят. Ищут.

– Да. Давайте-ка посмотрим ещё, – Тмян зашелестел плёнкой, расправляя карту на столе. – И думаем, господа учёные, думаем!

Пузыри были одинаковыми на вид и отличались только размерами, но Вениамин, как заколдованный, переходил из зала в зал, не в силах остановиться. Плато изнутри оказалось напоено водой. Веня представил сотни шахт и горы добытого льда и зеркальные купола над сотнями гектаров живой зелени. «Потом мы разобьём сады, и пусть попробуют не зацвести!» –

от перспективы кружилась голова, и хотелось петь. Окруженный чудесами, Вениамин совсем забыл о времени. Неожиданно эйфория сменилась голодом и усталостью. «Сколько я здесь? И когда придёт помощь?» – недовольно подумал он, защёлкивая очередной раз щиток шлема, и достал коммуникатор.

Сутки. Именно столько бродил он под Марсом, позабыв всё на свете! Тринадцать записей оказалось в логе связи, и все светились красным.

«Неисправность передатчика. Сообщение отправить не удалось», – значилось напротив каждого.

И еле заметная вмятина на коммуникаторе. Там, где антенна. Значит, сутки потеряны зря? Выходит, он бессмысленно, впустую ходил по залам и ждал? Гермодатчики исправно пищали, коммуникатор отправлял СОС, а сигнал не уходил? И никто на станции не знает, где он, Вениамин Решетов, молодой весёлый парень, который так любит жизнь, и которому осталось всего шесть часов?!

Это было обидно – умереть вот так, глупо, из-за сломанного передатчика. Погибнуть и не сообщить никому о найденных богатствах? Нет! Он должен бороться, он обязан сделать хоть что-то! Но что? Главное – не паниковать, вспомнил Вениамин. Так начиналась каждая глава в наставлении для разведчиков, что подарил ему Иван. Страх – первый враг.

Веня сел, где стоял, и заставил себя успокоиться. Первое, что надо сделать – вернуться к засыпанному кару. А потом... И тут он вспомнил, что каждый раз, когда он пробивал новый проход, скафандр сообщал о резком повышении давления. Потом оно постепенно приходило в норму. Что это было? Вода, понял Решетов. Атмосфера внутри пузырей насыщена водяным паром; новый проход в стене – и давление гонит пары наружу. Просачиваясь сквозь песок, они рассеиваются в атмосфере. Значит, слой песка не так толст! Здесь не очень глубоко, и, если постараться, можно прокопаться наружу, где его давно ищут! Ведь его не могут не искать...

Добравшись до первого, расколотого трещиной пузыря, Решетов расширил проход и начал копать. Сначала он вдавливал песок просто вниз, до тех пор, пока руки не перестали проваливаться. Значит, грунт заполнил нижнюю полость, и на него уже можно опереться. Выстелив песок над трещиной сланцевыми черепицами, Веня стал гнать сыпучий грунт в соседнюю полость, освобождая место для нового песка, сверху. Лёгкие песчинки не торопясь плыли вниз, превращаясь из тонкой струйки в медленную речку под Вениными ногами. Скоро и черепичные плитки, и складчатый пол совсем скрылись, а купол стал так близок, что Вениамин не смог разогнуться. Теперь он сбросил пустой баллон и регенератор с тяжёлой батареей. Они больше не пригодятся, а свет здесь, в земляном киселе, не нужен. Решетов нащупал ладонями край трещины, развернулся к нему лицом и бешено заработал ногами, загребая и втоптывая вниз песок. Вокруг рук и головы текли песок и пыль, Веня рванулся вверх и выиграл полметра высоты. Теперь скала была уже напротив его лица, значит, первый метр пути пройден! Раздавлив нарастающий страх темноты, Решетов медленно-медленно пополз вверх, червём продавливая путь. «Одна третья! – крутилось в голове одно. – Песок падает не так быстро, как на Земле, хватает времени бросить вверх руки». Он толкался ногами, и, пока песок тёк сверху, подтягивался, цепляясь за излом скалы. Потом несколько секунд дышал, отдыхая. И снова, и снова, пядь за пядью.

– Что это, Дельвиг? – Корпу раскрыл глаза и заставил себя смотреть. Обычное фото с атмосферного зонда, неотличимое от десятков таких же, устилавших пол конференц-зала.

– Карта, Феликс, – ареодезист взял ещё чашку кофе, прихлебнул горячее варево, скрипел от боли в обожжённом языке. – Дай-ка...

– Не понимаю, – он долго вглядывался, шурясь. Глаза не желали смотреть, глаза просили воды – промыть под веками. Глаза сильно и давно просили покоя. – Песок, Феликс, просто песок, как и на тех, – Корпу махнул рукой вбок.

– Тут пятно, Феликс, – тормозил его Тмян, – какая-то муть!

– Блик. Или брак? – кусочек карты в самом деле вышел нерезко, размыто.

– Какие блики?! Всё многократно компенсируется! – теперь шелестящую плёнку перехватил Иванов. И тут же забегал пальцами по сенсорике экрана. – Так. С вероятностью шестьдесят два процента это аномальное уплотнение атмосферы. Скорее всего, если судить по спектру – водяные пары. Это же...

– Ребров!! – Тмян уже терзал коммуникатор. – В точку, – он схватил карту, – 16—32, срочно! Относительные координаты получишь по сети. Не успеваешь – сообщи, вышлем джет! Действуй!

Сил уже не осталось, руки казались налитыми чугуном, а на плечи как будто навалили десяток кислородных баллонов. Последние полчаса Вениамин не смог сдвинуться ни на сантиметр, и только зря тратил воздух, ворочаясь в вязкой темноте. Давно закончилась скала, бывшая ориентиром голове и рукам. Поднялся ли он с тех пор вверх, Веня сказать не мог, как и не знал, сколько осталось до поверхности.

Что-то изменилось в окружающей тьме. Это зелёный огонёк воздушного датчика сменился тревожным оранжевым. «Не повезло», – отметила часть сознания, которая не утонула в страхе смерти и ещё могла наблюдать и анализировать. Остальной Решетов был полон оцепенелой апатией и беззвучной паникой. И агонизирующей надеждой, которая разгорелась вдруг снова, когда в тишине его могилы, наполненной раскалённым дыханием и набатом крови в ушах, возник новый звук.

Механический зверь стучал и двигался наверху.

– Я здесь! – забился Веня внутри скафандра, сжатого десятками тонн грунта. Задёргался, сжигая последние глотки кислорода, но стараясь успеть рассказать:

– Внизу есть вода...

Огонёк стал красным, и Решетов не смог вдохнуть. Несколько минут он ещё сопротивлялся удушью, потом жгучая боль разодрала ему грудь, и наступила темнота.

Когда Ребров ухватился за его вздернутую кверху ладонь, Вениамин был уже почти мёртв.

Новые жилые корпуса поставили в пятидесяти километрах к северу, в надёжной котловине, а сразу после них развернули спортивный купол с бассейном. Там постоянно были люди, большей частью со станции, но приезжали и с ближних секторов. Пару раз даже американцы залетали, подивиться. Проплыть два-три километра после трудового дня стало доброй традицией. По выходным на вышке развлекались прыгуны: выделявали такое, что чемпион последней Олимпиады съел бы от зависти плавки.

Решетов приходил поздно вечером. Нагрузки ему были пока запрещены, поэтому Вениамин просто ложился на воду и смотрел сквозь купол в близкое фиолетово-коричневое небо. Искусственная волна лениво качала его, попадая в такт таким же медленным мыслям. Потом он одевался и переходил в соседний, оранжевый купол. Войлочная вишня прижилась и уже выпустила первые листочки. Веня устраивался рядом с деревцами и долго сидел, мечтая о будущих садах. Они обязательно вырастут, знал он, надо только немного подождать.

Покой для палача

Однажды всех шестерых вывели из здания следственной тюрьмы. Закрытый фургон ждал их. Было раннее утро, но возле железных ворот уже стояли люди. Десятка четыре, не больше. Молодые и старые, одетые в поношенные пальто или новые, с иголки, костюмы. В ватники или в рабочие спецовки. Люди разные, но с одинаковой злостью на лицах. Всего четыре шага от крыльца до скрипящей подножки, но Мария услышала.

– Предатели! Как вас земля носит, – прошипела старуха с тяжёлой палкой в руках и распухшими ногами. Стоявший рядом мужчина молча плюнул; ветер кинул плевков Марии на плечо. И не стереть, руки скованы.

– Разойдись, разойдись, не положено, – лениво, без строгости, протянул начальник караула.

Машина долго шла по окружной, потом нырнула в просыпающийся город. Сквозь пыльную сетку, затянувшую окно, пробивался рассвет. На радиальном проспекте они попали в пробку, такую долгую и тягучую, что Марию сморило. Проснулась она, когда автомобиль въехал в центр.

– Надо держаться, – сказал Виктор.

– Держаться, – ответили остальные.

– Не сдадимся, – согласилась Мария.

Марк смотрел на неё и тоже шептал «Не сдадимся». Лицо его попеременно краснело и бледнело, а губы дрожали.

Под фургоном застучали стальные листы. Внизу, усиленный акустикой свода, возник ленивый плеск волны о каменные опоры.

– Последний мост, – сказал Виктор и уронил лицо в стянутые наручниками ладони.

Марии захотелось плакать.

За Последним мостом находились Палаты Увещеваний. На что они рассчитывали, подумала Мария, затеяв борьбу с Принципатом? С теми, кто поднялся на конспирации и тайне? Они переиграли нас, как детей...

Машина встала. Конвойные деловито пристегнули их к длинной цепи. Мария шла последней, и, пока остальные ныряли по одному в слепую дверцу в торце здания, успела глянуть вверх. Пыльная синева дня заливала клочок неба над бетонной стеной, кричали чайки.

«Увижу ли?» – мелькнула мысль, и равнодушные руки конвоира толкнули её внутрь. Эхо шагов не успело наполнить тьму тамбура, как стены раздались, и дистиллированный свет ртутных ламп ударил по глазам. Широким коридором, выложенным белоснежной плиткой, мимо камер, залитых той же беспощадной белизной, шестеро вышли в круглый зал. Коротко стриженный человек в сером стоял в центре и ждал.

По периметру зала, на высоте чуть выше человеческого роста крепилась толстая труба. К ней конвоиры прицепили наручники арестантов и быстро вышли.

– Здравствуйте, друзья мои, – приятным, слегка хриплым голосом произнёс человек в сером, оглядывая фигуры с вздёрнутыми руками. – Вы полагаете, я буду наказывать вас? Нет! Я буду убеждать! Я разверну перед вами цепи неотразимых аргументов и безукоризненных силлогизмов. Вы поймёте свои ошибки и раскаетесь в заблуждениях. Каждый из вас умрёт здесь. Вместе мы должны сделать, чтобы души ваши, когда настанет пора, находились в гармонии с миром.

Палачи велеречивы.

– Палач! – гневно выкрикнул Виктор.

– Палач? – человек улыбнулся. – Может быть. Называйте, как хотите. Ваши имена я знаю и так. Но прежде очистим тела.

Он вышел, и тут же из отверстий в стенах брызнула густая пена. Резкий химический запах заполнил зал. Пена пропитала тюремные робы, и бумажное полотно стало на глазах расплываться и таять. Потом с разных сторон ударили струи холодной воды. Они били по телам, сдирая и унося последние клочки ткани. Через две минуты шестеро были обнажены и дрожали от холода.

– Нагота способствует уважению, – Палач вернулся, держа в руках какой-то свёрток. – Голый смотрит на одетого снизу вверх. Так же и вы будете смотреть на меня. А теперь – маленький урок.

Он взмахнул рукой, и воздух разрезал длинный бич.

– Вы будете говорить, – от удара на спине Виктора, от левой лопатки наискосок и вниз до бедра, вспухла кровавая борозда; Виктор охнул, – только после моего разрешения. Всё остальное время, – Марк пытался уйти от удара, но бич облизал его поясницу, хлестнул по груди, содрал клочок кожи, и Марк закричал, – вам положено молчать!

Палач дважды обошёл зал, одаривая шестерых ударами.

– Кричать от боли, – он остановился, – запрещено.

Помолчал, разглядывая стонущих людей, и добавил:

– Стонать можно.

Он свернул бич.

– Сегодня день знакомства, поэтому с вас довольно. Будет вечер и будет ночь – для размышлений. Вам есть о чём подумать.

Палачи добры.

Палаты Увещаний расположились в старом доме в самом центре столицы, принадлежавшем когда-то знаменитой дворянской семье. Стены были толсты, а перекрытия – прочны. Может быть, в этом крыле раньше находились людские или кладовые. Много повидал коридор, облицованный теперь белым кафелем. Толстая прачка ковыляла, склонившись под грузом корзины с бельём; кухарка возвращалась с рынка с полными кошёлками; работник катил тележку с убоиной, и капли крови падали на гранитные плиты пола. Где вы, бывшие аристократы? Потом в кладовых засели клерки одного из министерств. Долго наполняли они коридор и комнаты шелестом бумаг, запахом чернил, великими замыслами и мелкими интригами. Визитёры с юга шуршали исподтишка дензнаками и меняли выдержанные коньяки на фонды. После Реставрации Духовности и Торжества Принципов всё поменялась ещё раз, в доме обосновались другие хозяева. Другие гости. Но осталась кровь.

Теперь, подумала Мария, это *наша* кровь, а кабинеты превратились в камеры. Три шага в ширину, пять в длину, узкий деревянный топчан, накрытый тонким прорезиненным матрасом, параша с умывальником в дальнем углу, напротив изголовья. Укрытый бронестеклом глазок видеокamеры в стене над головой. Вместо выходящей в коридор стены – толстая металлическая решётка с дверцей.

В камере справа сидел Виктор. Мария прижалась щекой к холодным прутьям и увидела его руки с бордовыми полосами на запястьях. Виктор делал пальцами какие-то знаки и шептал беспрерывно:

– Всё будет хорошо, всё будет хорошо, всё будет хорошо...

Мария знала: ничего не будет хорошо.

В камере слева, ближайшей к пыточной, молчал Дмитрий. Он всегда молчал. На их тайных собраниях, когда накал споров переходил в обиды и ссоры, на очных ставках после ареста. Мария была уверена, что он не ответил ни на один вопрос дознавателя, ни на одно предложение официального защитника. Только на разрешенном свидании, когда к Дмитрию пришла, пряча лицо, мать, он шептал что-то тихо в телефонную трубку...

Напротив него, слева и наискосок от Марии, поместили Ивана. Старшего из них, руководителя ячейки. Именно на его холостяцкой квартире прошла последняя, самая короткая встреча.

– Бегите, – сказал в тот раз Иван.

Они не послушались. Кроме одного, Кирилла, воспринявшего предупреждение всерьёз. Его сняли с самолёта, когда до взлёта оставались минуты. Перед отправкой в Палаты Кирилл успел рассказать, как шли по салону люди в форме, и как облегчение превращалось в холодную пустоту. Ещё он рассказал про брезгливые лица экипажа и про то, как отворачивались пассажиры, когда его вели по проходу.

Камера Кирилла находилась от Марии наискосок направо.

Напротив сидел Марк.

Мария была против его принятия в организацию. В Марке не было убежденности, но только фанатичное стремления быть рядом с ней. Это поклонение смущало, это внимание было обузой. Марк соглашался на самые острые, самые быстрые решения, он готов был поддерживать всё, что угодно, лишь бы понравиться, лишь бы обратить на себя внимание. Вызвать её интерес. Наверное, этот огонь, эта истовость должны были льстить, но Мария пугалась. Она старательно избегала Марка, но чем твёрже она отказывалась, тем настойчивее тот становился.

Сейчас Марк сидел на корточках у самой решётки, зажав руки между колен, и смотрел на неё. «Как это, наверное, неудобно: сидеть так», – подумала она, и вдруг вспомнила, что на ней ничего нет, и что Марк второй час – с той минуты, как их разместили по камерам – сидит у решётки и смотрит, смотрит, почти не мигая, и только иногда облизывает губы.

Марии стало стыдно наготы, и стыдно этого стыда. Стыд был глупый, стыд был непонятный, ведь они уже висели друг перед другом. Им довелось вместе попробовать бича. Это сблизило их, и должно было отменить само понятие стыда; какие счёты между голыми трупами в траншее, а ведь они были уже почти трупы, и только временно задержались, пока Смерть перебирает инструменты, выбирает наилучший, удобнейший...

Марк смотрел, и Мария, держась неестественно прямо – всего два удара, а как болит! – ушла прочь от решётки. Сделала три шага, легла лицом к стене и закрыла глаза. Пусть смотрит. Главное, не видеть его голодных глаз. Отключиться, представить, что тебя здесь нет. Не видеть, не слышать, не быть. Скоро, очень скоро, напомнила себе Мария, её Не Будет. Ужас накинута, вымывая человеческое, и Марии захотелось взвыть от страха и безысходности. Как в детстве, когда она впервые осознала свою смертность. И нет рядом мамы, которой можно уткнуться подмышку, выплакать свою беду. «Ведь я же не боюсь», – отвечала мама, – хотя гораздо старше. Зачем тебе думать о смерти?» Чтобы не закричать, Мария стиснула зубы. До боли, до скрежета лопающейся эмали. Опять вспомнила про Марка, который сидит и рассматривает её, и видит, конечно, некрасивую складку на боку. Внезапно Марии стало смешно. О чём думает она в Палатах Увещевания? О складке и о парне, который сейчас разглядывает её зад, но скоро тоже умрёт. Это было так глупо, так дико, так не к месту, что мысли о собственной гибели отступили и Мария успокоилась.

Жаловалось тело, саднило кожу. Лампа равнодушно светила с потолка. Мария долго ёрзала, стараясь не тревожить спину. Найти удобную позу оказалось непросто, но усталость взяла своё, и под журчание воды в бачке Мария заснула.

Следующие дни заботливая память решила не складывать в свои бездонные закрома. В них не оказалось ничего, что хотелось бы помнить. Только боль и ночной свет плафонов, выжигающий глаза сквозь опущенные веки. И седые виски молодого военного, подручного палача. Немало забот в Палатах. Доставить, приковать, отвезти на тележке хрипящее мясо обратно в камеру, подсунуть миску с едой под решётку, убрать нетронутые. Сколько было лычек на его погонах, Мария не запомнила. Он всегда в чистой форме, черных очках, уши

заткнуты наушниками плеера, пальцы равнодушны и не дрожат, но на висках грязный весенний снег. Эта короткая седина стала якорем, не пустившим девушку в спасительное, но малодушное безумие.

Палач обманул.

Он не приводил доводов, ни о чём не спрашивал их и не требовал отречений.

– Нет! – с огорчением говорил он. – Боль говорит в тебе, боль и обида. Тело кричит, но молчит душа. Не готовность отринуть скверну в тебе, но желание прекратить мучения. Забудь про плоть, прислушайся к тихому голосу внутри. Я не верю в твою неисправимость, таких нет, каждый достигает просветления. Да, через муку, да, через страдание, но как иначе?

Он заглядывал в глаза с надеждой, и каждый из шестерых чувствовал, что надежда эта искренна, что и отвечать нужно так же искренно, но не было сил понять, как достичь этого.

– Нет, ты не веришь в свои слова, – сокрушённо качал головой палач и снова брался за инструменты.

Потом, спустя часы, похожие на годы, приходил парень с седыми висками.

– Сегодня для вас знаменательный день, друзья мои! – палач был оживлён и с энтузиазмом смотрел на прикованных к стене подопечных.

По-разному перенесли они проведенные в Палатах дни. Виктор и Иван храбрились, пытались отвечать взглядом на взгляд. Несмотря на следы пыток, они пытались стоять прямо, но страх близкой боли прорывался сквозь маску отваги и вызова.

Остальные были опустошены, но держались, стараясь укрыться за гордостью и безразличием. Палач знал: это ненадолго. Он легко читал их, проникая под черепную коробку без иглы и сверла. Люди просты и предсказуемы, если точно отмерить муку.

Только Марк висел безвольной марионеткой. «И-и-и», – тянул еле слышно, отворачиваясь от ярких бликов.

Палач подошёл к Марии. Девушка следила за ним одним глазом. Второй затёк, и фигура палача казалась плоской и неживой. Боль и усталость манили обмороком, но Мария старалась превозмогать себя, не уплывать в беспамятство. Оно никуда не уйдёт, зачем торопиться? Пока мелькают иногда перед глазами седые виски – жизнь не кончена.

– Для чего это тебе, девочка? – спросил он. – Такой молодой, такой красивой, – рукоять бича ласково погладила девичью шею и приподняла подбородок, – зачем сомневаться в принципах? Что ты хотела доказать? Но у тебя есть шанс.

– Я не хочу, – прошептала Мария искусанными губами.

– Молчи, глупая! Жить – лучше! У всех есть шанс, даже у него, – палач развернулся к Марку, и тот дёрнулся и заскулил громче, в животном ужасе пытаясь вжаться в стену, найти тёмный угол в круглом зале без углов, забиться в него и замереть.

– Отныне жизнь ваша изменится, – продолжил палач. – Один начнет учиться увещевать, другие получают передышку. Вам нужно отдохнуть, я знаю, вам очень это нужно... Моё прошение об отставке рассмотрено и одобрено. Я заслужил покой. Недостаёт малого: мне нужен ученик и сменщик. Кто из вас...

– Я, я, я-а-а!! – забился на цепи Марк, брызжа слюной. – Я согласен! Согласен, согласен, – он заплакал. Струйка крови из лопнувшей губы потекла по подбородку.

Всё произошло так внезапно, что пятеро молчали.

– Ты хорошо подумал, малыш? – спросил палач. – Учиться будет трудно, а твоими первыми, э-э, – впервые он замешкался, не нашёл сразу верного слова, – пациентами станут они, твои товарищи.

– Да! Всё, что угодно! Только жить! – дальше Марк забормотал что-то бессвязное, заискивающе улыбаясь и всхлипывая.

Пятеро молчали.

Шестерых отправили по камерам без «процедур».

Палач устроил им выходной и сам разнёс и расставил у камер угощение. Жаркое на бумажных тарелочках и настоящий кофе в одноразовых стаканах.

Палачи сентиментальны.

– Ты! – Мария прижалась к решётке, стоило палачу выйти. – Не посмотрелся еще, предатель, гадина? Пытать хочешь, да?

Она шипела и плевалась, билась о холодные прутья. Потом схватила стаканчик с горячим кофе и плеснула в Марка.

Тот сидел в обычной позе, лицом к проходу, и смотрел на неё. Ни одна капля не долетела, Мария только обожгла пальцы.

– Оставь его, – сказал слева Дмитрий. – Он просто хочет жить.

– Жить?! – выкрикнула девушка. – А я не хочу жить? А ты? Все остальные?!

И остановилась: если бы Марк промолчал, кто бы согласился первым? И согласился бы? Она смогла бы отказаться? Отказаться быть. Существовать. С виной, которую нельзя простить. Чувствуя, как жгут кожу взгляды бывших друзей. Но жить! От обиды заныли зубы. Почему она не догадалась крикнуть первой? Наплевать на ненависть, зато продолжатся рассветы и закаты. Наступит новая весна, снег сойдёт, дождь смоет зимнюю грязь с набережной, и они пройдут над рекой, как раньше. С кем?! С Виктором, которого она замучает собственными руками? Представилось, как свищет послушный бич, как лопается кожа на спине Виктора, как он вздрагивает всем телом и стонет, не смея кричать. И какая ненависть плещется в его глазах. Вдруг Мария поняла, что ей было бы приятно бить! Приятно ощущать власть и беспомощность другого человека перед этой властью. Его бессильную злость. Его страх. Его боль.

Ей стало жутко от такого понимания.

Палач заставил их делать страшный выбор. Мария возненавидела Марка за то, что он решил. И возблагодарила, что не дал ей времени выбирать. За то, что она увидела бездну внутри себя – потом. Нет, не палач, жизнь привела к такому финалу. Идеалы, которым они следовали, их упрямство, их заносчивость. Их самомнение. Они считали себя лучше, умнее других. Они хотели возвыситься над людьми, теперь пожинают плоды. Они виноваты. Искреннее понимание собственной неправоты – вот что хотел увидеть в их глазах палач!

Палачи умеют убеждать.

Утром, когда парень с седыми висками увёл обескураженного Марка, в камере Марии, под потолком, засветился экран. Это оказалась пыточная, показанная откуда-то сверху, в непривычном ракурсе. Пыточная, где не было Марии. Седой конвоир уже привязал Марка к креслу, а палач перекладывал что-то на столе рядом. Звякало железо, и от каждого звука Марк сжимался.

– Почему? – сипло говорил он, – ведь я согласился, я подписал все бумаги!

– Да, мальчик, – отвечал палач, – поэтому ты останешься жить. Однако, нельзя убеждать, не проникнувшись важностью доводов. Ты должен знать, каково твоим подопечным. Иначе как ты поймёшь, когда уже всё, когда достаточно? Нельзя читать в глазах, не понимая, что там. Ты обязан пройти это сам.

Потом Марк закричал.

Мария зажимала уши руками, но крик проникал сквозь прижатые ладони. Она пыталась отвернуться, не смотреть, но происходящее на экране здесь и сейчас, но не с ней – тянуло. Вновь и вновь она открывала глаза, чтобы замурить их мгновение спустя. Одно – когда мучат тебя, совсем другое – смотреть на мучения. Но была и третья сторона, и Мария помнила это. И снова Мария впитывала это страшное, жуткое, тошнотворное, но притягательное зрелище. Остальные тоже смотрят, уверяла она себя, не могут не смотреть.

Ближе к обеду Марк только хрипел.

Палач привёз его на каталке, окровавленного и трясущегося, и сам подключил к регенератору.

– Завтра мы продолжим, мальчик. Сейчас отдыхай.

Больше Марк не смотрел на Марию сквозь прутья решётки. Он или лежал, опутанный трубками и проводами машины, или сидел, скорчившись, в углу камеры, и обхватив голову руками.

Назавтра кино начиналось снова.

Палачи справедливы.

– Дай отдохнуть, – рыдал Марк через неделю, сплёвывая кровавые сгустки, – возьми кого-нибудь из них!

– Нет, малыш, – отвечал палач, – они теперь твои. Лишь ты хозяин их жизни и смерти. Мне и без того есть кого вспоминать ночами. Подожди, осталось недолго.

– Но...

– Я помню, – неожиданно горячо прервал его палач, – свой долг перед вами! Да. Да! Я должен сам провести каждого через очищение к избавлению! Но ты снял с меня эту тяжесть, поделился, оказался для них лучшим другом. Ты возьмёшь их грехи, и они уйдут спокойно. Да, тебе труднее! Самому, годы и годы очищать душу, и не будет другого средства, кроме совести.

– А если я не смогу? – простонал Марк.

– Невозможно. Больше никому, таков Кодекс. Без очищения нет избавления, они не смогут уйти, если ты не поможешь. Это ссылка, это позор, это всеобщее презрение! Жить, когда кожу жгут взгляды. Когда каждый... самый последний... любой никчёмный человечёк имеет право спросить: почему? И не найдётся слов. Или, выслушав ответ, тебе плюнут в лицо. Всегда. Ежедневно, ежечасно... Или тебя вообще не заметят, будут при встрече смотреть сквозь, говорить в сторону... Разве заслужили они такой участи? Но надо продолжать. Я очень, очень устал...

Палачи тоже жаждут покоя.

Ночью тихий звук вырвал Марию из сонной мути. Марк опять сидел возле решётки. Снова в этой позе, скомканный и неподвижный. Только пальцы с почерневшими ногтями лихорадочно сплетались и расплетались. Лицо его показалось Марии странным. Чего-то не хватало. Ожидания боли – поняла она. Марк смотрел на неё взглядом, какой мог бы кинуть обычный парень на давнюю подружку. Интерес, любопытство и самая капелька желания. Участие. Забота. Любовь, быть может. Любовь? А как же вставшее между ними предательство? Разве он может любить?

– Не паяйся, палач, – пробормотала Мария почти равнодушно и провалилась в сон.

– Запомни, мальчик, казнь – не наказание, – палач выкатил на середину зала громоздкую конструкцию. – Это награда и освобождение от мук. Она обязана быть быстрой. Мы используем французский нож, гильотину.

Так кончатся наши дни, поняла Мария. Рано или поздно Марк уложит каждого из нас под нож и... Ей стало дурно. Заныли подживающие раны, а где-то внутри, около сердца возник и стал расти ледяной ком.

– Фиксируешь пациента вот так, – продолжал рассказывать палач, – руки крепишь этими зажимами, у пояса.

Сегодня Марк не был связан или прикован. Он свободно сидел в кресле и болезненно щурил глаза на лампы. Видимо, яркий свет мучил его. Рядом, на стуле, аккуратно сложенный, лежал комплект серой униформы.

– Нож запускается с пульта. Вот кнопка.

Мгновение ничего не происходило. Потом нож, разгоняясь, устремился вниз, и тут же замер, наткнувшись на толстые металлические штифты, которые выскочили по бокам гильотиновой рамы!

– Казнь можно остановить. Той же кнопкой, – объяснил палач.

– Зачем? – вяло отозвался Марк.

– Иногда, в последний момент, приходит помилование. Тогда загорается зелёная лампа под потолком. Помни про неё. Редко, но так бывает. Принципат милостив. Нож можно освободить опять.

Раздался щелчок, это штифты вернулись в начальное положение. Нож, разогнанный мощными электромагнитами, рухнул с грохотом. Шестеро вздрогнули.

– Теперь последняя формальность, – палач взял Марка под руку и подвёл к гильотине.

Появился подручный. Он поднял нож гильотины и замер рядом.

– Зачем это? – спрашивал Марк, пока палач укладывал его на ложе, оставляя свободными руки.

– Ты должен знать, малыш, что ощущает человек под ножом, избавляющим от грехов. Ты сам запустишь нож, и сам остановишь его. Это так просто!

– Да, это просто, – согласился Марк.

Он зажмурился и вдавил кнопку. Щёлк! Узкая полоса стали ринулась вниз. Щёлк! Замерла на полпути, повиснув на штифтах.

– Молодец, Марк, ты справился! – палач впервые назвал Марка по имени. – Погоди немного, сейчас мы освободим тебя. Обычно это делается проще...

Он встал.

Неожиданно, всего на секунду, Марии стало жалко Марка. Потом она вспомнила про своё будущее, и жалость исчезла бесследно.

– Палач, – прошептала она, – будь ты проклят! Да не будет тебе покоя!

Марк словно услышал. Подняв голову, он посмотрел вверх, в глазок видеокамеры, и улыбнулся. Губы его шевельнулись, будто хотели произнести какое-то короткое слово.

Потом Марк нажал кнопку.

Нож упал.

Финал первый, романтический

Купе ничем почти не отличалось от камеры в Палатах. Такой же тесный пенал, такая же решётка вместо дверей. Но в нём было окно, окрашенное белой краской, а на ней – незаметные снаружи царапины. Днём Мария прижималась лбом к стеклу и смотрела. Мелькали деревья, зигзагом – вверх, вниз, вверх, вниз – прыгали электрические провода. Убегали назад столбы. Иногда, если повезёт, на них можно было заметить цифры. Цифры складывались в числа. Числа росли, приближая Восток и бессрочную ссылку. Ночью Мария спала или считала блики фонарей на потолке. Сегодня ей тоже не спалось. Вопросы роились в усталой голове. Почему Марк так смотрел на неё тогда? Что он хотел сказать за секунду до смерти?

В соседнем купе спали четверо её товарищей. Виктор лежал прямо за стенкой, внизу. Спросить у него?

Тихий стук растаял в лязге колёс, но Виктор откликнулся сразу же, будто ждал.

– Что, Мария? – спросил приглушённо.

Мария долго молчала и слушала его хриплое дыхание. Смог бы он так? А она?

– Ничего, спи.

Она поняла, почему Марк улыбался, освобождая нож.

Финал второй, или что произошло на самом деле.

Пятеро потрясённо молчали. Экран манил Марию, несмотря на подступающую тошноту.

Кровь затухающими толчками вырывалась из обезглавленного тела Марка, собиралась в канавку в центре зала и лениво уходила в сток.

– Мальчик опять не подумал, – сказал печально палач. – Очень импульсивный был юноша. Прилежный, но торопливый. Мало знал, полагался на слухи. Поступок глупый, хотя благородный. В закрытом разделе Кодекса сказано: клиенты отправляются в ссылку, если палач умирает своей смертью. Самоубийство – не тот случай. Неужели он думал, что его жертва – первая?

Он поднял голову и заглянул в объектив, глазами в глаза каждому из пятерых.

– Моё предложение остаётся в силе, – мягко сказал он. – Завтра утром я спрошу, кто из вас станет моим учеником. Мне будет из кого выбирать, не так ли?

Верность и честь

В тайном бункере было тепло и сухо, но в душе Владыки Семитара были злые вьюги. Разглядывая зализанную дикторшу в дальновизоре, он просеивал память и искал: где, когда наделал он ошибок? Пальцы автоматически перещёлкивали каналы. Короткие сводки новостей перемежались с репортажами. Взвинченные толпы, бродящие по улицам столицы. Шеренги легионеров со щитами, прогибающиеся под натиском демонстрантов. Разъявленный в крике рот старика – лицо его в крови, шарф развевается по ветру. Группа молодёжи переворачивает рейсовый мобус. Полыхает дорогая иномарка. Полицейский за толстым стеклом стационарной будки прячет лицо от телекамеры...

– Передаем обращение чрезвычайного революционного комитета, – дикторша смотрела прямо ему в глаза. – «Сограждане! Антинародная клика низложена! В этот радостный час мы призываем вас к спокойствию. Не дадим запятнать кровью светлые идеи демократии»!

Морщась и поглаживая ушибленный локоть, Владыка слушал звонкие, выпренные благоглупости. Никакие призывы к спокойствию не помогут, понимал он. Плебс, науськанный инсургентами, выверился. Он не успокоится, пока не напьётся крови сполна.

Чего не хватало этим людям? Он в достатке дал им и хлеб и зрелища. А также спокойствие. Какая ирония, что к спокойствию призывают теперь его главные возмутители! Потрачены годы, чтобы вывести державу из пучины голода и смятения, и какова благодарность? «Жёстче, смелее надо было давить крикунов, – отметил он первую ошибку, с ненавистью глядя на экран: один из главных мятежников, осанистый мужчина с холёным породистым лицом, рассказывал что-то иноземным репортёрам. – Наймит, тварь»!

Но что делать теперь? Гарды прикрыли его отход, довели до убежища. Настоящие мастера, гордость страны, растерзаны взбесившимися подонками. Они остались верны до конца. «Я их не забуду, – Семитар перебирал в уме лица, – никогда». Однако, воздать им можно и позже. Два дня он сидит в подземелье, а время уходит! Оно важнее всего. Погромы и казни – мелочь, рябь. Лишь бы не договорились хищники, что ходят в глубине, за сценой. Лишь бы не успели договориться! Итак. Армия за него. Десантные легионы готовы подняться по приказу. Приказ, всего лишь отдать приказ! Почему нет связи?! Апуд, этот конторщик, без намёка не пошевелит пальцем, вот ещё одна ошибка, его давно пора было менять. Не успел! Служба охраны спокойствия медлит. Труссы... Они совсем разучились решать сами.

Владыка вспомнил недавнюю поездку. Апуд показывал новую технику, что стала, наконец, поступать в войска. Как радостны были военные, как сияли их лица! «Я должен быть там, – решил он. – Они помогут».

Торжественная мелодия ворвалась в болтовню политологов. Семитар не сразу узнал сигнал мобофона, этой игрушки приказчиков, купчишек и опереточных звёзд. Платиновый корпус жужжал и ёрзал на полированном дубе, наигрывая старый гимн.

– Да? – с непривычки он не сразу нашёл нужную кнопку. – Слушаю.

Сквозь вой помех пробился голос первого вице-кесаря. Наконец-то! В груди потеплело. Его вспомнили! Значит, потеряно не всё.

– Да! Да! – слышно было плохо, сам факт звонка казался чудом, – Почему нельзя выслать махолёт? Да?.. Хорошо, будет центурион Лапис, да, жду!

Лапис. Знакомое имя что-то тревожило в памяти. Что-то не слишком приятное, но и не очень важное. Ладно, вице-кесарь не пошлёт ненадёжного человека.

Чтобы занять время, Владыка отыскал в дальновизоре новости западной Унии. Радуются, мерзавцы! Заявления лидеров, спикеров и облечённых властью чинов, рассуждения банковских функционеров. Недоумения, домыслы, попытки прогноза, обычное дело при недостатке точных сведений из первых рук. А это что?!

Лицо Мармота на весь экран и скороговорка репортёра за кадром:

– По сообщению наших корреспондентов, первый вице-прокуратор Мармот осуждён чрезвычайным революционным трибуналом к повешению. Приговор приведён в исполнение.

Вот тебе и боевые дружины Мармота!

Впрочем, это к лучшему. Значит, они не договорились ещё, иначе Мармот был бы жив. Мёртвый он бесполезен.

Скорбная физиономия главы конвента по – удивительное сочетание слов – правам плебса: «Мы выражаем сожаление по поводу печальных событий». Хитрый лис.

– Народная милиция ищет смещённого Владыку для предания справедливому суду, – мелькнул восторженный спецкор, камера съехала на лицо полицейского, нет, теперь уже милицейского чина. Рачьи глаза его бегали, синяя повязка на рукаве сбилась. – Мы заверяем сограждан, что сделаем всё возможное для поимки узурпатора. Каждый, сообщивший о местонахождении гражданина Семитара, имеет право на денежную награду в размере...

Экран дальновизора заснежил и погас. Боль в руке отрезвила. Передёрнув плечами, Владыка разжал пальцы. Осколки пульта посыпались на бетонный пол.

– Суки! – выплюнул он, стирая платком кровь с ладони.

Скорее бы явился центурион. Он доведёт, а там... Мёртвого осла уши вам, а не Владыку Семитара!

Центурион Лапис оказался среднего роста человеком с избыточно мощной для его сложения шеей и ясными синими глазами. Левый бок комбинезона, в каких ходит городская обслуга, был чуть оттопырен, и центурион бережно прижимал его локтем. Другая рука сжимала лямки непромокаемой сумки. Когда, чуть прихрамывая, он вышел из переходного тамбура, Семитар вспомнил:

– Я знаю тебя, центурион, – проворчал он. – У тебя слишком длинный язык. Почему ты не на южных рубежах?

– Верность и честь, Владыка, – пароль, показалось Владыке, прозвучал иронично. – Это важно?

– Это важно. Как я могу тебе верить?

– Трибуны оказались мудрее прокураторов. Поэтому я здесь. Я не люблю тебя и твоих воевод, Владыка, – центурион грустно улыбнулся, – и в самом деле несдержан в речах. Но кровь мне нравится ещё меньше. Мир вообще любить не за что, а эти, – он ткнул пальцем вверх, – начинают делить власть. Они сделают жизнь ещё гаже. Ты сейчас – меньшее зло. Кто их утихомирит, кроме тебя?

– Темнишь, центурион.

– Верность и честь, Владыка, – повторил Лапис. – Я присягал, и я выведу тебя из города.

– Выведешь? Разве ты не с мобилем?

– Плебс бурлит, Владыка, – центурион покачал головой, – мобиль обязательно остановят. Безопаснее пешком. Выйдем ночью.

– Ночные волки, – удивился Семитар, – наверняка подняли голову. Так всегда бывает во время смуты.

– Верно, – ответил Лапис, водружая поклажу на стол, – волки на охоте. Но с ними сейчас договориться куда легче, чем с плебсом. Мобофон не бери, засекут.

Раскрыв сумку, он достал оттуда бритву и парик.

– Помнишь молодость, Владыка?

– Вспомню, центурион. И оставь титулы! Не время.

Ночью в большом городе никогда не бывает темно. Панели витрин и рекламных щитов, свет окон и фонарей скрадывают слабое свечение звёздного неба. Сегодня улица, по которой

шагали Владыка с центурионом, была черна и безлюдна. Не светилося ни одно окно, словно жители спрятались от лишнего внимания. Низкие облака, подкрашенные близким пожаром, лениво засевали тротуар мокрым снегом. Плыл в промозглом воздухе запах гари.

– Плохо, как плохо, – Центурион посмотрел назад, на цепочку следов.

– Сколько можно плутать? – недовольно спросил Семитар. – Вокруг пусто. Нет даже бродяг! Я промочил ноги. Хочешь, чтобы я заболел?

– Нам опасно встречаться с людьми.

– Кто меня узнает?! – в седом парике, с кустистыми накладными бровями Владыка походил на пожилого работягу с окраины. Мешки под глазами – они потребовали больше всего времени и грима – намекали, что хозяин любит неразбавленное вино. Одет он был в блёклую, дешёвую на вид куртку с капюшоном, мятые шерстяные брюки и грубые ботинки.

– Узнают, Семитар, – ответил центурион, – когда захотят, узнают обязательно.

– Обманываешь, центурион, – Семитар остановился. – На мобиле вышло бы быстрее и проще.

– Хорошо, Владыка, – Лапис сощурился, – ты прав. Пойдём.

Перейдя дорогу, они свернули в узкий проулок. Здесь было ещё темнее, но впереди, на параллельной улице, тускло светил фонарь. В жёлтом гало крутился снег. Сильнее запахло горелым. На углу дома, в чернильной тени, центурион крепко взял Семитара за плечо.

– Смотри, кесарь, – прошептал он.

За углом, перед перекрёстком уткнулся в баррикаду из литых алюминиевых урн, бордюрного камня и ещё какого-то мусора колёсный броневик. Он почти догорел. Зелёная когда-то, в маскировочных разводах краска, вспучилась и почернела. Кое-где она дымилась, распространяя удушливую химическую вонь. Водительский люк был распахнут, оттуда неподвижным кулём свешивался человек, тоже чёрный и обгорелый. Чуть дальше, позади броневика, стоял военный грузовик; от тентованого кузова остался гнутый каркас, в нём неопрятными кучами угадывались страшные, колючие, бесформенные силуэты.

Семитар был жёсток, но от плотного духа печёного мяса, от осознания того, что это за мясо, его затошнило.

– Они ехали за тобой, Владыка, – сдавленно сказал центурион. – Их забросали зажигалками, совсем недавно. Выбраться наружу не успел никто! Мальчишки, Владыка, простые легионеры-срочники!

– Сломаешь мне руку, центурион, – прошипел Семитар. С трудом сдерживаясь, он привалился к мокрой стене.

– Потом начал рваться боезапас, – разжав пальцы, продолжил Лапис. – Как хочется верить, что некоторых огонь сожрал уже мёртвыми!

– Это их долг, их работа, – Во рту было горько. Центурион смотрел на него остановившимися, безумными глазами.

– Это моя работа, старик! – Лапис глубоко вздохнул, – а они... были призваны защитить страну от врага. Теперь они мертвы. Кто был их враг?

Он закашлялся.

– Прости мою горячность, Владыка. Ты ещё хочешь ехать на мобиле?

Они долго шли молча. Древние улицы, чудом избежавшие переделок времён краткого бума, остались позади. Теперь вокруг были типовые жилые коробки середины прошлого века, хлипкие жестяные гаражи, неряшливые кусты с остатками листвы.

– Скажи, солдат, – нерешительно спросил Семитар, – откуда в людях столько ненависти? Ты слышишь меня?

– Не знаю, кесарь, – ответил тот после долгой паузы. – Они устали быть никем? Или мы слишком увлеклись праздниками? Возведением колизеев и боями гладиаторов? Спроси у советников, потом. Тихо! Здесь кто-то есть.

Но их уже заметили.

– Стоять, голубки! – несколько бугаёв толпились у открытых гаражных ворот, тянули пиво. От тлеющих сигарет вился сладковатый дымок.

– Не двигайся, – шепнул центурион, быстрым движением кинул что-то в рот, скривился, и вихляющей, нетвёрдой походкой отправился к молодчикам.

Под их наглыми взглядами Семитару внезапно стало дурно. Слабость ледяным приливом выплеснулась откуда-то из живота и растеклась по телу. Задрожали ноги, и он сполз в липкую дрянь возле мусорных баков. В глазах потемнело, круг зрения сузился до маленького пятячка. В нём остались лампочка, светящая из гаража, угрожающие фигуры и Лапис. Он стоял, ссутулившись и шатаясь. Издалека долетели обрывочные слова:

– Нам бы до подземки, достойные господа, до подземки, – бубнил просительно Лапис.

– Бур-бур-бур, – отвечали брезгливо, – алкаш ... несёт, как с помойки... руки марать ... валите оба!

Один из парней лениво выбросил руку в лицо центуриону. В этот момент Лапис подскользнулся, нога поехала, и удар прошёл вскользь, а Лапис растянулся в мокрой снежной каше. Парни засмеялись, глядя, как он ворочается, пытаясь встать.

– Уходим уже, – донеслись до Семитара его слова.

Наконец Лапис поднялся, и, кренясь набок, вернулся к Семитару.

– Молодец, Владыка, – зашептал, старательно отворачиваясь. – Подыграл мне.

От Лаписа несло сивухой и недельным перегаром, этот дух подействовал как нашатырь. Владыка ощутил, что его отпускает, и зашевелился.

– Что это? – слабым голосом спросил, пытаясь подтянуть ноги.

– Маскировка, фармация, гадость редкая, – центурион пригляделся. – Да ты правда сомлел! Сейчас...

Он вытащил из кармана и разломил надвое тонкую, завернутую в фольгу палочку.

– Ешь, – сунул Семитару половину, зажевал сам, – шоколад со стимулятором. Поднимайся, уходим. Не хочу шума...

Обнявшись и покачиваясь, как поздние гуляки, они дошли мимо гаражей почти до поворота, когда их догнал один из парней.

– Постой, старый! – он скинул правую руку Семитара с плеча центуриона. – Кажется, это моё...

Блеснуло золото хронометра на запястье Владыки.

– Уважаемый, – попытался тот освободиться, – это подделка...

– Папу учить!? – рыкнул бандит. – Снимай!

Семитар медлил, центурион молчал.

– Скоро там, Цыня? – окликнули парня.

– Момент, братва! – Цыня угрожающе надвинулся, схватил Семитара за волосы. – Ты, ворюга, не только часики отдашь, сапоги мне лизать будешь!

Он дёрнул Владыку на себя, ... и стянул с него парик.

– А... – протянул, вглядываясь, – кесарь?

И тут же охнул, побледнел, начал заваливаться набок. Центурион уже тащил Семитара за собой, в смрадный, чернильный проход между гаражами. Внизу гремело и чавкало, Владыка запнулся, но устоял, удержанный стальной рукой Лаписа.

– Стоять, суки! – несло сзади.

Проскочив два ряда гаражей, они очутились в узком кривом переулке. Наутро прохожие замесят ногами густую солёную жижу, но пока тут было почти сухо. Снег укрыл голые кусты

и выщербленный асфальт. Рядом, перевёрнутый вверх днищем, лежал погнутый остов легкового мобиля и какие-то брёвна. Сильно пахло ржавчиной и мочой.

– Спрячься, – Лапис подтолкнул Семитара к брёвнам и замер, прислушиваясь. Сначала ничего не происходило. Всё обойдётся, решил Владыка, но...

– Вот они! – давешние громилы выскочили из-за поворота, и огнеплой в руках центуриона задёргался и зашипел. Всё было кончено в пару мгновений: выстрел, смещение прицела на малый угол, выстрел, выстрел, смещение, выстрел! Потом центурион резко развернулся и дважды выстрелил назад, в проход. Там застонали.

– Пошли, Владыка, – Лапис протянул Семитару руку.

– А ты не собираешься?.. – начал старик.

– Добывать не буду, – отрезал центурион. – Пусть им повезёт. Пошли. Недолго осталось.

Лицей был построен на границе промзоны, недалеко от компрессорного завода. Там же было общежитие, в просторных классах и аудиториях бурлила весёлая, шалопутная молодёжь. Теперь тут заправляли совсем другие люди. У застеклённой двери стоял, несмотря на глубокую ночь, и курил высокий, худой мужчина. При каждой затяжке огонёк сигареты освещал горбатый нос и впалые щеки, покрытые иссиня-чёрной щетиной.

– Слушаю, дорогой, – поднял он глаза на центуриона.

– Мне нужен Ахмет. Скажи, Малой пришёл, рассчитаться.

– Малой. К Ахмету. Жди, дорогой, – повторил высокий, щёлкнул пальцами – окуроч, прочертив красный пунктир, упал точно в стоящую метрах в пяти урну – и скрылся в здании.

– Малой, Ахмет, что это значит, центурион? – глухо спросил Семитар из-под капюшона.

– Южные рубежи, Владыка, – Лапис был мрачен. – Он должен мне жизнь.

– Мой дом – твой дом, – расплылся в улыбке Ахмет, толстяк с толстой золотой цепью на шее и холодными глазами. – Кто это?

– Он со мной. Нам нужно в бомбоубежище. Отсидеться.

– Будут неприятности? – лицо толстяка как будто стало суше.

– Если станешь болтать, – пожал плечами Лапис. – Решай быстрее. Ты мне должен.

– Я не забыл ничего, Малой. Ничего.

Общий вход в бомбоубежище, расположенный во дворе, давно был заложен кирпичами, но учащиеся и персонал имели резервный, в подвале. Взяв с Малого клятву ничего не трогать, Ахмет ушёл, недовольно бурча, и сам запер дверь убежища снаружи.

– Несколько часов в запасе есть, – Лапис подмигнул, – нам нужно куда меньше.

В дальнем углу убежища, под громоздкими ящиками и тонком слоем бетона, оказался хитроумно замаскированный люк. Под ним, двумя метрами ниже, нашлась пара бронированных кодовых дверей, разделённых коротким тамбуром, а после – обычная пустая комната с двумя стульями и письменным столом, прикрытым листом испарянного плексигласа.

– Дошли? – спросил Семитар, без сил опускаясь на ближний стул.

– Здесь раньше был пост, потом его сняли, – кивнул центурион и занял соседний. – Там, за стеной, станция мини-подземки. Дошли.

– Почему?

– Что? Сняли пост?

– Нет, – Семитар постучал ногтем по прозрачной пластине. – Почему тоннель не провели до самого бункера? Зачем рисковать, идти сюда через полгорода?

– Не знаю, кесарь, – центурион выудил из бездонных карманов куртки полиэтиленовый пакет, разорвал его и вручил Семитару остро пахнущую салфетку. – Убери синяки, они уже

не нужны. Наверное, – рассуждая вслух, продолжил он, – чтобы враг не явился с той стороны, тайно. Шестьдесят лет прошло, никто не знает точно, как было на самом деле.

Вагончик напоминал крытую дрезину. Ходовая часть оказалась в порядке, уютно горел индикатор питания на пульте. Видимо, некие секретные службы поддерживали подземку в рабочем состоянии. «Почему я о них не знаю?» – подрёмывая под стук колес, лениво размышлял Семитар.

Его разбудил мягкий толчок остановки.

Центурион рассматривал что-то в трубу перископа, опущенную с низкого потолка.

– Приехали, Владыка. Проверь.

Прижавшись к резине окуляров, Семитар увидел полутёмное помещение. Ракурс был необычным, сверху, из-под потолка, но он сразу узнал долговязую фигуру первого вице и плешивую голову его всегдашнего порученца.

– Дальше пойдёшь один. Код двери ты знаешь.

– Почему?

– Я не верю вице-кесарю. Не верю политикам вообще. Любой из них готов продать и продаться. И, – центурион изобразил рукой что-то странное, – я устал от крови. Меня ждут в посольстве одной восточной деспотии. Горячий песок, пальмы, лазурная вода Залива! – он оскалился. – Тамошний правитель мне тоже кое-что задолжал!

– Политика грязновата, да... Но первый вице – мой давний друг. Мы вместе учились, служили. Он обязан мне всем. Прощай, центурион.

– Прощай, Владыка!

Первый вице-кесарь нервно вышагивал по заброшенному складу. Дробное эхо отражалось от пыльных стен, позвякивало в грязных окнах. Гарды заняли позиции по углам. Начальственные молнии их нервировали.

– Ну? – он резко остановился, и бледный человечек подбежал и склонил голову.

– Мы торчим тут пятый час, – глядя сквозь референта, процедил чиновник. – Может, стоило послать махолёт?!

– Я уверен в Лаписе, – успокаивающе ответил человечек, – он болтун, но честный болтун.

– Честный? Странное слово. По отношению к кому он честен в этой каше? К тебе, ко мне, к кесарю или к плебсу?

– К себе? – предположил референт.

– Это хуже всего. Тогда мотивы его неясны.

«У тебя явно есть запасной маходром, – разглядывая редкий пушок на голове референта, думал вице-кесарь, – ты слишком незаметен и осведомлён, ты полезен для всех. А я? Без Семитара мне никак»!

– Ладно, – стыло ответил вице-кесарь.

Ему было очень, очень страшно.

Гарды напряглись и подняли оружие, в груди первого вице противно ёкнуло. С грохотом обвалилась штукатурка на ближней стене, и в открывшейся дыре завозилась человеческая фигура.

– Кесарь! – чиновник узнал человека первым и сделал шаг навстречу. – Как я рад тебя видеть!

– Я тоже, первый, – голос старика дрогнул, – но время, время. Срочно дай мне спецканал с Апудом!

От Семитара кисло пахло, и первый вице-кесарь скривился, пряча лицо.

– Конечно, – он достал мобофон. – Гражданин Адвена?

Владыка дёрнулся, но его уже плотно держали подбежавшие гарды.

– Да, гражданин, он у меня. Я исполнил свою часть, да, да. Спасибо, гражданин!

Первый вице победно посмотрел на Семитара.

– Ничего личного, старина! Ты же всегда помогал мне? Будешь моим пропуском в новую жизнь, правда? – от облегчения чиновник начал паясничать. – Сейчас подадут экипаж, и...

– Назад!

У свежего лаза стоял Лапис. Первому вице-кесарю показалось, что чёрный раструб огне-плюя направлен прямо на него.

– Не глупи, воин, – вкрадчиво проговорил он, делая шаг. Теперь между ним и Лаписом был Семитар. – Получай награду, я позвоню, и свободен!

– Отпустите его, живо! – Лапис повёл стволом.

– Тогда умри! – каркнул первый вице и упал в цементную пыль.

Пуля выкрошила извёстку у головы центуриона. И сейчас же гарды, державшие Владыку, рухнули.

– Пригнись, Владыка!!! – крикнул Лапис, медля.

Тшок!

Вторая пуля, выпущенная последним, расположившимся напротив гардом, огладила шею Семитара и вошла центуриону точно над грудиной, в основании шеи.

– Напугал, дурак, – дрожа от страха и унижения, первый вице-кесарь подошёл к упавшему Лапису и плюнул на его лицо.

– Верность и честь, – прохрипел центурион, вылёвывая алую кровь, – верность и честь... Скорее он замолчал.

Пора отдыхать

Премьер-президент просыпается рано. Раньше многих обитателей миллионного мегаполиса. Такая привычка у него издавна, когда он и не помышлял о политике. Минуло много лет, Хозяин земли русской разменял девятый десяток, но рука его крепка, спина хранит бравую выправку, глаз зорек, а ум подвижен, как в молодости.

Проснувшись, он какое-то время лежит, рассматривая декор стен и роспись потолков. За последние годы они нисколько не изменились и премьер-президент, наверное, давно заучил, запомнил наизусть каждый завиток лепнины, каждый красочный мазок, каждый случайный волосок кисти, оставшийся на поверхности стены. Созерцать давно знакомое – один из ритуалов, позволяющий Премьер-Президенту настроиться на долгий рабочий день. Стряхнуть старческие сны и выбросить из головы тяжелые мысли, что одолевают его уже лет пять, с уходом жены. Потом он встает и начинает ритуал утреннего туалета. Премьер-Президент еще в начале своего третьего срока, в период новой великой Борьбы с привилегиями, отказался от камердинера. Когда-то он настоял на законе о семидесятилетних: каждому, кто старше, положена прислуга от собеса. Но сам, как пришло время, её сразу отослал. Независимость – его другое имя.

Его собака, молодая сука лабрадора Нелли, уже извивается всем телом вокруг, чуя выход на улицу. На морде её написано обожание. Прогулка с собакой – часть утреннего церемониала, ставшая незыблемым законом. Собаки – то немного, что держит его в жизни. Они гуляют обыкновенно во внутреннем кремлевском дворе, между Тайницкой, Беклемишевской и Царской башнями. Премьер-Президент прохаживается, обходя открытые ворота Спасской. Вдруг Нелли заметит открытое пространство, рванётся радостно наружу, там много незнакомых людей, перепугается, её будут ловить, а это для собаки стресс. (Я не верю давнишним злопыхателям, что звериные страдания для Премьер-Президента важнее человеческих. Просто животных любить легче).

Они выходят, значит, наступает моё время.

— *Здесь Седьмой. Объект направляется в зону «А». Принимай, Тридцатый. – Понял тебя, Седьмой. Все будет О'Кей!*

— *Уж ты постарайся, Тридцатый. Не проколись опять с туристами. Очень прошу...*

С неделю назад группа из Японии упросила старика сфотографироваться на память. Он расположен к общению с народом. Зачем им понадобилось держать в руках карту Москвы? Хорошо, это были японцы. Они покладисты и дисциплинированы. И молчаливо-уважительны к старшим. Можете представить, что мог услышать Премьер-Президент от украинцев? Казахов? Грузин?!

— *Ладно-ладно, Седьмой, не паникуй. Старичок будет доволен прогулкой.*

Седьмой – это я. Вместе с Тридцатым мы и наши сменщики присматриваем за объектом на территории Кремля. Я – внутренний куратор, он – внешний. Свои ответственные есть у каждого столичного округа, у каждого региона. Если все остальные кураторы отвечают за территории, то в нашем ведении – сам объект.

Мы работаем круглосуточно, сутки через двое, одиннадцать месяцев в году. Один из нас всегда на подстраховке и параллельно на обучении. Учиться приходится, ведь ручейки информации каждый год находят новые русла, они сливаются в потоки, что сметают на своём пути хрупкие фильтры контроля. Крепить эти фильтры – наше дело.

Сегодня моё последнее перед отпуском дежурство, с вечера эффективный менеджер под моим призором. Сейчас он работает с документами. А через полчаса по плану встреча с британским премьером. Такие важные персоны нечасто посещают Кремль. Брайан обмолвился

как-то, что у мировых лидеров есть негласное расписание визитов к нам. Премьер-Президент не должен чувствовать себя вне высокой политики. Так или иначе, предстоящий разговор требует скрупулёзной подготовки.

– Третий! Здесь Седьмой

– Хай, Седьмой! Голова не болит? – он постоянно шутит. Думаю, Брайан – не британец, он не укладывается в тот образ, который возникает в голове при словах «подданный Британской короны». Ни капли чопорности, ни намёка на тонкий английский юмор. Шутки его незамысловаты, лицо красно, а руки большие приличны каменщику или матросу с парусного судна. Брайан атташе британского посольства и выпускник Лондонской школы политической экономики. При первой нашей встрече он накачал меня гиннесом и теперь не устаёт об этом напоминать. Он наш куратор от европейцев, Третий, мы часто общаемся.

– Забудь, – отвечаю, представляя Брайана по обыкновению развалившимся в кресле в своём посольском кабинете, ноги на столе, в руках банка пива. Истинный британец. Интересно, он тоже устаёт? Рефлексирует? – Я отправил тебе файл с темами беседы. Пусть сэр Ричард будет серьёзен хотя бы внешне и не слишком уходит от них в сторону.

– Не вопрос, дружище! Я не читал еще твоего письма, но могу заложить душу, что речь пойдет об олигархах-невозвращенцах... Скажи мне, зачем эти дряхлые старцы нужны Премьер-Президенту?

– А твой, наверное, будет вспоминать вечного подсудимого и полоний? – я стараюсь наполнить голос сарказмом, это плохо получается, меня разбирает смех. Темы этих бесед удивительно однообразны. Дряхлые старцы! Зачем они человеку столь же преклонных лет? Память людская длинна, изгибы её причудливы. Но как предсказуемы! Веселье не мешает нам решить возникшие вопросы и дать окончательное добро на встречу. А вы думали, последнее слово за высокими договаривающимися сторонами? Наверное, но в нашем случае оно за кураторами. Третьим и Седьмым.

Сэр Ричард не подводит. Хотя до опыта Премьер-Президента ему далеко, сорок лет у власти – не шутка, но разговор движется как по хорошей, глубокой колее. Реплики англичанина выдержанны, колкости малозаметны и уважительны. Я могу расслабиться, помечтать о близком отпуске. Ах, отпуск! Это сладкое слово! Пальмы и море. Или горы и снег. Или лес и корзинка с грибами в руках. Рядом сын. А то Васька стал подзабывать отца. Ещё бы! Я ухожу в ночь, возвращаюсь через сутки, потом отсыпаюсь и только полдня из трех как-то обращаю внимание на отпрыска. Год собачьей службы без отдыха – это много. Заставьте авиадиспетчеров работать столько, и посмотрите на статистику происшествий. Наш труд не менее важен и чреват, жалко, не все это понимают. Сэр Ричард понимает, спасибо ему за мудрость.

Аудиенция меж тем благополучно завершилась. Гарант вместе с британцем отправляется обедать в один из московских ресторанов. Час, а то и все два – в моем полном распоряжении. Можно спокойно готовить утреннюю «инспекцию» в Ярославль.

Центрально-русские территории опекает Двадцатый. Я уже сообщил ему неприятную новость: Премьер-Президент отменил вылет из нового аэропорта «Элитный», что в черте Москвы, и распорядился подать президентский борт в Шереметьево.

На пару мы накрутили хвосты службе протокола. Возмущение их понятно, но пускай отрабатывают свою икру на масле. Люди за Кольцевой очень не любят неожиданностей. Наверняка телефоны во всех причастных кабинетах трезвонят, не переставая, а их обладатели рвут волосы на головах. Если у кого они остались после такой нервной службы. Однако какая ни есть – но своя. Всё это рутина. Положенная доза переживаний, суеты, лести, криков и угроз – дело сделано, коридор Химки – Шереметьево обеспечен. Привычное сопротивление таможни

привычно побеждено. Мне ли не знать, что лет десять как все КПП сворачиваются и разворачиваются за полчаса.

– *Двадцатый! – Седьмой?*

– *Прости, едва не забыл. Напомни местным поменять вывески, знаки, указатели. Чтобы в газетных киосках была наша пресса, магазины по ходу следования проверить обязательно... Объект любит внезапные визиты в супермаркеты. Переводы оформлены, сразу по прибытию средства пойдут.*

– *Обижает, седьмой! Всё будет в лучшем виде, – по его голосу понятно, он что-то забыл. Скорее всего, магазины. Они – наша основная головная боль. Не так-то просто угадать, куда, в какую точку захочет свернуть наш подопечный. Представьте себе: ценники! Объявления!! Персонал!!! Посетители!!!! Переодеть, натянуть на лица сдержанный, но неприкрытый энтузиазм, научить верным вопросам и ответам. Положить им в карманы наши деньги и документы! Заметная часть ресурсной ренты, оставшейся после великого передела, уходит на подготовку, подчистку, подмазку. Местные власти с радостью стригут на визитах купоны. Компетентные службы докладывают: дублирующий кириллический комплект есть в каждой торговой точке, в каждом ресторане, на каждой заправке и на каждом предприятии русского пространства.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.